

Филип Киндред Дик Симулякры

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=625695
Игроки с Титана: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-40933-4*

Аннотация

Создавать виртуальную реальность – дорого и технически сложно. А главное – зачем? Легкая игра с дозированием информации – и вот уже реальность обычная на глазах делается виртуальной... Эта книга Ф.Дика получилась «книгой на все времена»...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	26
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Филип Дик Симулякры

Глава первая

Внутреннее мемо напугало Ната Флайджера, хотя тот и не понимал почему. Речь шла всего-навсего о том, что обнаружен Ричард Конгросян. Оказывается, знаменитый советский пианист, психокинетик, играющий Брамса и Шумана не прикасаясь пальцами к клавишам инструмента, скрывается в летнем доме в Дженнере, штат Калифорния. И если повезет, «Электроник мьюзикал энтерпрайз» сможет наконец записать Конгросяна. Тем не менее жило в душе Флайджера странное беспокойство...

Возможно, причиной тому были сумрачные, влажные леса, заповнившие северную часть прибрежной Калифорнии, – Нат их терпеть не мог, ему больше нравились сухие земли в окрестностях Тихуаны, где размещался центральный офис ЭМЭ. Но Конгросян, увы, согласно мемо, за порог своего летнего дома носа не показывал. Похоже, он отошел от концертной деятельности в связи с какими-то семейными обстоятельствами. Во всяком случае, мемо намекало на то, что связана эта полуотставка с некой трагедией, которая произошла много лет назад не то с женой пианиста, не то с его ребенком...

Было девять утра. Нат Флайджер автоматически плеснул воды в чашку и стал «поить» живую протоплазму, входящую в состав звукозаписывающей системы «Амpek Ф-а2», которую хранил у себя в кабинете. Протоплазма была родом с Ганимеда, не испытывала боли и до сей поры не возражала против того, чтобы ее сделали одним из элементов сложной электронной аппаратуры. Нервная система протоплазмы была примитивной, но как акустическому рецептору ей просто не было цены.

Вода просачивалась через мембраны «Ампека» и с благодарностью поглощалась: трубопроводы системы жизнеобеспечения пульсировали.

«А почему бы не взять ее с собой?» – подумал Флайджер.

«Ф-а2» была портативной системой, да и по качественным параметрам Нат предпочитал ее более сложному оборудованию. И сейчас ее стоило побаловать. Нат подошел к окну, включил механизм, раздвигающий жалюзи, и в кабинет ворвалось горячее мексиканское солнце. «Ф-а2» тут же развила чрезвычайно высокую активность – солнечный свет и влага заметно стимулировали ее метаболизм. Флайджер по привычке наблюдал за работой системы, но мысли его были по-прежнему заняты полученной информацией.

Он снова взял мемо в руки, сжал его пальцами и услышал:

– Эта возможность ставит ЭМЭ перед выбором, Нат. Да, Конгросян отказывается от публичных выступлений, но ведь у нас есть контракт, заключенный при посредничестве нашего берлинского филиала «Арт-Кор», и юридически мы имеем право на запись. По крайней мере, если сможем заставить Конгросяна... Как, Нат?

– Да, – рассеянно кивнул Нат Флайджер в ответ на голос Лео Дондольдо.

С какой это стати знаменитый советский пианист приобрел летний дом в Северной Калифорнии? Такой поступок сам по себе был очень смелым и вызвал явное неодобрение центрального правительства в Варшаве. И если пианист пренебрегает указами высшей коммунистической власти, то едва ли он испугается откровенного обмена мнениями с ЭМЭ. Конгросян, которому пошел шестой десяток, всю жизнь умел безнаказанно игнорировать юридические нормы современной общественной жизни как в коммунистических странах, так и в СШЕА. Подобно многим творческим личностям, он шел своим путем, лавируя между двумя могущественными социальными системами.

Нажать на него можно только одним путем – если привнести в отношения меркантильный элемент. К примеру, в виде рекламы... У публики короткая память – это всем известно. И не помешает принудительно напомнить ей о Конгросяне и его феноменальных музыкальных пси-способностях. Отдел рекламы ЭМЭ с готовностью возьмется за реализацию этой задачи. В конце концов, им нередко удавалось продавать даже «совершенно неизвестный материал», а записи Конгросяна вряд ли можно охарактеризовать этими словами. Вопрос только в том, насколько Конгросян хорош сегодня...

Мемо пыталось напомнить Нату Флайджеру о том же.

– Всем известно, что до самого последнего времени Конгросян выступал только на закрытых мероприятиях, – с жаром объявило оно. – Перед крупными шишками в Польше и на Кубе и перед пуэрто-риканской элитой в Нью-Йорке. Год назад, в Бирмингеме, он появился на благотворительном концерте для пятидесяти чернокожих миллионеров. Собранные средства пошли в фонд содействия афро-мусульманской колонизации Луны. Я разговаривал с парочкой современных композиторов, которые побывали на этом концерте. Они клянутся, что Конгросян не растерял ничего. Давай-ка глянем... Да, это было в две тысячи сороковом. Ему тогда было пятьдесят два. И конечно же, он всегда в Белом доме играет для Николь и этого ничтожества Дер Альте¹.

«Надо взять “Ф-а2” в Дженнер, – решил Нат Флайджер. – И использовать для записи именно эту систему. Поскольку других шансов может и не быть: артисты, обладающие такими пси-способностями, как у Конгросяна, имеют привычку рано умирать».

– Я займусь Конгросяном, мистер Дондольдо, – сказал он. – Полечу в Дженнер и попытаюсь переговорить с ним лично.

Это было его решение.

– Вот и ладушки, – возликовало мемо.

И Нат Флайджер почувствовал к нему симпатию.

Робот, как и все репортеры, был нахален и проворен.

– Правда ли, доктор Эгон Сьюпек, – проскрипел он, – что сегодня вы намерены побывать в своем кабинете?

«Должен же быть способ оградить от этих наглцов хотя бы собственный дом!» – подумал доктор Сьюпек. Однако тут же должен был согласиться с широко бытующим мнением, что таких способов не существует.

– Да, – сказал он. – Сейчас я закончу завтрак, сяду в свою тачку и отправлюсь в центр Сан-Франциско. Там я припаркуюсь и прогуляюсь до Почтовой улицы. А там, в своем кабинете, как и обычно, окажу психотерапевтическую помощь своему первому за сегодняшний день пациенту. Наплевав на закон, на этот так называемый акт Макферсона. – Доктор Сьюпек хлебнул кофе из чашки.

– Вы ощущаете поддержку со стороны...

– Да, ИАПП полностью одобряет мои действия. – Доктор Сьюпек всего лишь десять минут назад разговаривал с исполкомом Интернациональной ассоциации практикующих психоаналитиков. – Никак не могу понять, почему это решили взять интервью именно у меня. Сегодня утром в своих кабинетах окажутся все члены ИАПП.

«А таких членов, – добавил он мысленно, – на территории СШЕА более десяти тысяч. И в Северной Америке, и в Европе».

– Как вы считаете, – доверительно промурлыкал робот-репортер, – кто несет ответственность за принятие акта Макферсона и готовность Дер Альте подписать его, придав ему силу закона?

¹ От der Alte – старик (нем.). (Прим. перев.)

– Вам же это прекрасно известно, – сказал доктор Сьюпоб. – Не армия, не Николь и даже не НП. Ответственность несет могущественный фармацевтический картель «АГ Хеми» из Берлина.

Это было известно не только репортерам, но любому и каждому. Могущественный германский картель уже давно рекламировал терапию душевных заболеваний с помощью лекарственных препаратов. На этом можно было заработать совершенно сумасшедшие деньги. И естественно, все психоаналитики были тут же объявлены шарлатанами, такими же, как приверженцы здоровой пищи или глубокого дыхания. Старые добрые времена, прошлое столетие, когда общество ценило психоаналитиков, увы, миновали... Доктор Сьюпоб тяжело вздохнул.

– Принудительный отказ от своей профессиональной деятельности доставляет вам немалые душевные муки, – проникновенно продолжал робот-репортер. – Верно?

– Сообщите вашим слушателям, – медленно сказал доктор Сьюпоб, – что мы намерены продолжать работу, не обращая внимания ни на какие законы. Мы способны помочь людям уж никак не меньше, чем химиотерапия. Особенно в случаях психических нарушений, связанных с предыдущей жизненной историей пациента.

И только тут он понял, что репортер представляет одну из самых влиятельных телекомпаний с аудиторией в пятьдесят миллионов, которые наблюдают сейчас за происходящим в доме Сьюпоба обменом любезностями. И от одной только мысли об этом язык доктора перестал ему повиноваться.

Позавтракав, он вышел на улицу и наткнулся на второго робота-репортера, который устроил засаду возле машины доктора.

– Леди и джентльмены, перед вами последний представитель венской школы психоанализа. Некогда, возможно, выдающийся психоаналитик доктор Сьюпоб скажет вам несколько слов. – Репортер подкатился к доктору, преградив ему дорогу. – Как вы себя чувствуете, сэр?

– Паршивее некуда! – ответил доктор Сьюпоб. – Пожалуйста, дайте мне пройти.

– В последний раз направляясь в свой кабинет, – сказал репортер, глядя ему вслед, – доктор Сьюпоб ощущает атмосферу всеобщего осуждения, однако тем не менее продолжает тайно гордиться уверенностью в собственной правоте. Только будущее рассудит, насколько он прав в своем упрямстве. Подобно практике кровопускания, психоанализ пережил периоды своего расцвета и медленного увядания, а теперь его место заняла современная химиотерапия.

Сев в машину, доктор Сьюпоб выехал на подъездную дорогу и вскоре уже катил по автобану в сторону Сан-Франциско. Он по-прежнему чувствовал себя паршиво и очень опасался предстоящей, как ему казалось, неизбежной схватки с представителями власти. Не меньше его беспокоили и перспективы собственного ближайшего будущего.

Он был уже не молод, чтобы участвовать в этих событиях. На талии его накопилось немало лишней плоти. Каждое утро приносило ему огорчение, поскольку лысина, которую он как-то обнаружил в зеркале ванной комнаты, явно увеличивалась. Пять лет назад он развелся со своей третьей женой, Ливией, и больше в брак вступать не собирался. Его семьей стала работа. И что же теперь? Бесспорным было одно: как сообщил робот-репортер, сегодня он направляется в свой кабинет в последний раз. И пятьдесят миллионов телезрителей Северной Америки и Европы, наблюдающих за ним, будут гадать: обретет ли он новое призвание, откроет ли для себя новую необыкновенную жизненную цель взамен старой? Увы, на это было слишком мало надежды.

Чтобы успокоиться, он поднял видеофонную трубку и набрал номер, по которому передавали молебн.

Припарковав машину, он прошел пешком до Почтовой улицы и обнаружил возле дома, где размещался его кабинет, небольшую толпу, состоящую из зевак, роботов-репортеров и нескольких полицейских в синих мундирах. Определенно, все ждали его.

– Доброе утро! – неловко поздоровался он с полицейскими и, вытащив из кармана ключ, двинулся к дверям.

Толпа расступилась перед ним. Он поднялся по ступенькам, открыл дверь и распахнул ее настежь, впуская утреннее солнце в длинный коридор, стены которого были украшены эстампами Пауля Клее и Кандинского. Эти эстампы доктор Сьюпек и доктор Бакман развесили семь лет назад, стремясь хоть чуть-чуть украсить это довольно старое здание.

– Наступает час испытания, дорогие телезрители, – объявил один из роботов-репортеров. – Вот-вот появится первый на сегодня пациент доктора Сьюпека.

Полицейские с торжественным видом ждали развития событий. Будто готовились к параду...

Прежде чем войти внутрь, доктор Сьюпек остановился в дверном проеме, повернулся к тем, кто последовал за ним, и сказал:

– Прекрасный денек! Для октября, во всяком случае.

Он хотел придумать какую-нибудь героическую фразу, полную патетики и пафоса, которая придаст благородство его нынешнему положению, но ничего такого в голову не приходило. Видимо, решил он, причина в том, что героизму здесь нет места. Ведь он просто делает то, что делал пять раз в неделю в течение многих-многих лет, и не нужно быть особенным храбрецом, чтобы пройти давно заведенным рутинным путем еще один раз. Разумеется, платой за это ослиное упрямство станет арест – разумом своим он прекрасно понимал это, – однако телу и нервной системе не было до ареста никакого дела. И Сьюпек автоматически переступил порог.

– Мы с вами, доктор! – выкрикнула из толпы незнакомая женщина. – Удачи вам!

Ее поддержали, на несколько мгновений возник одобрительный гул, тут же, впрочем, стихший. Полицейские в эти несколько секунд выглядели докучливыми надоедами. Доктор Сьюпек прикрыл за собой дверь.

Едва он вошел в приемную, сидевшая за своим столом Аманда Коннерс подняла голову:

– Доброе утро, доктор!

Ярко-рыжие волосы секретарши, перетянутые ленточкой, просто пылали, а из декольте мохеровой кофточки стремилась выскочить божественная грудь.

– Доброе! – отозвался доктор Сьюпек, радуясь ее присутствию здесь, да еще в столь великолепном виде.

Он вручил Аманде пальто, которое она повесила в стенной шкаф.

– Ну что ж... – Он закурил некрепкую флоридскую сигару. – Кто там у нас сегодня первый пациент?

Аманда заглянула в журнал регистрации:

– Мистеру Раги, доктор, назначено на девять часов. У вас еще есть время, чтобы выпить чашку кофе. Сейчас я сделаю. – Она шагнула к кофейному автомату в углу приемной.

– Вы ведь знаете о том, что должно произойти, – сказал Сьюпек. – Не так ли?

– Разумеется... – Мэнди поднесла ему бумажный стаканчик с кофе, пальцы ее дрожали. – Но ведь ИАПП освободит вас под залог!

– Я боюсь, что это будет означать конец вашей работе здесь.

– Да, – кивнула секретарша. Она уже не улыбалась, ее большие глаза потемнели. – Никак не могу понять, почему Дер Альте не наложил вето на этот законопроект. Николь была против, и потому вплоть до самого последнего момента я была уверена, что и он против. Боже мой, ведь у правительства теперь есть оборудование для путешествий во времени.

Почему бы им не отправиться в будущее и не убедиться, что этот законопроект принесет лишь обнищание нашему обществу.

– А может, оно так и поступило, – сказал Сьюпоб.

«И не обнаружило никакого обнищания», – добавил он про себя.

Дверь в приемную отворилась. На пороге стоял первый на сегодня пациент. Мистер Гордон Раги, бледный от нервного возбуждения.

– Вы все-таки пришли, – сказал доктор Сьюпоб.

Он глянул на часы: Раги появился раньше назначенного времени.

– Мерзавцы! – отозвался Раги.

Это был высокий худощавый мужчина лет тридцати пяти, хорошо одетый. По профессии он был брокером и работал на Монтгомери-стрит.

За спиной у Раги возникли двое полицейских в штатском. Они молча уставились на доктора Сьюпоба, ожидая дальнейших событий.

Роботы-репортеры вытянули вперед рецепторы, очень смахивающие на пожарные брандспойты, и поспешно принялись впитывать в себя информацию. На какое-то время все застыли в молчании.

– Проходите в кабинет, – сказал наконец доктор Сьюпоб мистеру Раги. – И давайте начнем с того, на чем остановились в прошлую пятницу.

– Вы арестованы, – тут же заявил один из копов в штатском. Он шагнул к доктору Сьюпобу и показал постановление об аресте. – Пройдемте с нами!

Он взял доктора Сьюпоба под локоть и потащил к двери. Второй коп уже пристроился с другого бока, в результате чего Сьюпоб оказался зажатым между ними. Все было сделано очень быстро и без суеты.

– Мне очень жаль, Гордон, – сказал доктор Сьюпоб, поворачиваясь в сторону мистера Раги. – Очевидно, я уже не сумею продолжить начатый курс лечения.

– Крысы хотят, чтобы я принимал лекарства, – с горечью отозвался Раги. – А ведь они прекрасно знают, что эти таблетки сделают меня больным. У меня такой организм, что эти таблетки для меня просто яд.

– Интересно следить, – забормотал один из роботов-репортеров, обращаясь, скорее всего, к своей телеаудитории, – за лояльностью пациента по отношению к своему психоаналитику. Кстати, а почему должно быть иначе? Этот человек уже давно верит в возможности психоанализа.

– Шесть лет, – сказал ему Раги. – И при необходимости лечился бы еще столько же.

Аманда Коннерс начала тихо плакать в носовой платок.

Пока двое копов в штатском и целый наряд полицейских в форме сопровождали доктора Сьюпоба к патрульной машине, из толпы еще раз раздались громкие возгласы в его поддержку, правда не очень активные. К тому же толпа эта состояла в большинстве своем из людей далеко не молодых. Все они были из той, более ранней эпохи, когда психоанализ был весьма и весьма уважаемым ремеслом; как и сам доктор Сьюпоб, эти люди были частицей совсем иного времени. Ему очень хотелось увидеть здесь хотя бы пару молодых людей, но таковых в толпе не оказалось.

Человек с худым лицом, одетый в тяжелое пальто, сунул в рот филиппинскую сигару ручной работы «Бела Кинг», раскурил ее и выглянул из окна полицейского участка. Затем он проконсультировался с собственными часами и принялся беспокойно шагать по комнате. Когда он покончил с первой сигарой и уже взялся за другую, перед окном проехала полицейская машина. Он тут же поспешил наружу, на платформу разгрузки, где полиция уже готовилась к приемке доставленного арестанта.

– Доктор, – сказал он, – меня зовут Уайлдер Пэмброук. Мне бы хотелось переговорить с вами.

Он кивнул полицейским, и те отступили, оставив доктора Сьюпеба наедине с неизвестным.

– Пройдемте внутрь. Я временно занял комнату на втором этаже. Я задержу вас совсем ненадолго.

– Вы не из городской полиции, – сказал доктор Сьюпек, окинув неизвестного острым взглядом. – Вы, скорее всего, из НП. – Теперь он казался встревоженным, но последовал за Пэмброуком, уже направившимся к лифту.

– Считайте меня просто заинтересованной стороной, – сказал тот и понизил голос, поскольку они проходили мимо группы копов. – Стороной, заинтересованной в том, чтобы вновь увидеть вас в вашем кабинете, вместе с вашими пациентами.

– У вас есть на это соответствующие полномочия? – спросил Сьюпек.

– Думаю, да.

Спустилась кабина лифта, и они вошли в нее.

– Однако, чтобы вернуть вас в ваш кабинет, потребуется не меньше часа. Так что, пожалуйста, наберитесь терпения. – Пэмброук раскурил свежую сигару.

Сьюпебу он сигары не предложил.

– Разрешите задать вопрос, – сказал тот. – Какое учреждение вы представляете?

– Я уже сказал вам. – В голосе Пэмброука зазвучали раздраженные нотки. – Просто считайте меня заинтересованной стороной. Неужели непонятно? – Он пожирал Сьюпеба мрачным взглядом.

В молчании они поднялись на второй этаж и зашагали по коридору.

– Прошу прощения за резкость, – сказал наконец Пэмброук, когда они подошли к комнате с номером двести девять, – но меня тревожит ваш арест. Я очень этим обеспокоен.

Он отворил дверь, и Сьюпек осторожно перешагнул порог.

– Разумеется, я почти всегда готов обеспокоиться по тому или иному поводу. Такая у меня работа. Как и ваша, она включает в себя необходимость не позволять себе эмоциональное вовлечение в дело, над которым мы работаем.

Он улыбнулся, но доктор Сьюпек воздержался от ответной улыбки.

«Он сейчас слишком напряжен, чтобы улыбаться», – отметил про себя Пэмброук.

Такая реакция Сьюпеба вполне соответствовала краткому описанию его характера, которое содержалось в досье.

Они осторожно сели друг напротив друга.

– С вами хочет проконсультироваться один человек, – сказал Пэмброук. – Он недалек от того, чтобы стать вашим постоянным пациентом. Вы понимаете? Потому-то мы и хотим вернуть вас в ваш кабинет, мы хотим, чтобы кабинет был открыт, чтобы вы могли принять этого человека и провести курс лечения.

– Я... понимаю, – кивнул доктор Сьюпек.

– Что касается остальных ваших пациентов, то их судьба совершенно нас не интересует. Станет ли им хуже, или они выздоровеют, оплачивают ли они ваше благосостояние или уклоняются от платы за лечение – нам абсолютно безразлично. Нас интересует только этот отдельный человек.

– А после того как он выздоровеет, вы снова меня прикроете? – спросил Сьюпек. – Подобно всем прочим психоаналитикам?

– Вот тогда и поговорим об этом. А не сейчас.

– И кто же он, этот человек?

– Этого я вам сообщать не намерен.

Наступило молчание.

– Насколько я понимаю, – сказал, подумав, доктор Сьюпеп, – вы использовали аппарат фон Лессингера. Вы переместились во времени и выяснили, каков будет результат лечения. Так?

– Так, – ответил Пэмброук.

– Значит, вы уверены во мне. Я сумею вылечить этого человека.

– Вовсе нет, – сказал Пэмброук. – Наоборот, вам не удастся ему помочь. Но именно поэтому вы нам и понадобились. Если он пройдет курс лечения с помощью химиотерапии, его душевное равновесие восстановится. А для нас чрезвычайно важно, чтобы он и дальше оставался больным. Теперь вы понимаете, доктор, что нам чрезвычайно необходимо существование хотя бы одного шарлатана, то есть практикующего психоаналитика. – Пэмброук еще раз тщательно раскурил сигару. – Поэтому наша первая инструкция вам такова: не отвергайте никого из новых пациентов. Понимаете? Какими бы безумными – или, скорее, какими бы здоровыми – они вам ни показались.

Он улыбнулся. Его забавляло чувство дискомфорта, которое продолжал испытывать психоаналитик.

Глава вторая

Огромный коммунальный жилой комплекс «Авраам Линкольн» был залит светом. Поскольку был канун Дня поминовения, всем шести сотням жильцов в соответствии с уставом полагалось собраться внизу, в зале для общих собраний, разместившемся в подвальном помещении здания.

Мужчины, женщины и дети проходили в зал. В дверях, напустив на себя вид солидного правительственного чиновника, их встречал Винс Страйкрок. С помощью нового идентификат-сканера он проверял документы, удостоверяясь в том, что сюда не проник посторонний из другого муниципального дома. Жильцы добродушно подчинялись, и процедура шла быстро, почти не отнимая времени.

– Эй, Винс, – спросил старик Джо Пард, – насколько нас задержит твоя автоматика?

Джо был старейшим по возрасту жильцом дома: он въехал сюда с женой еще в мае 1992 года, когда началось заселение только что построенного здания. Жена его уже умерла, дети повзростали, обзавелись семьями и разлетелись кто куда, но Джо остался здесь.

– Совсем ненадолго, – спокойно сказал Винс, – зато не будет ошибок. Автоматику не обманешь.

До сих пор, выполняя обязанности вахтера, он пропускал входящих, полагаясь в основном на свою память. И именно поэтому как-то пропустил парочку хулиганов из «Поместья Робин Хилл», и эти скоты едва ли не сорвали своими выходками все собрание. Больше такое повториться не должно: Винс Страйкрок поклялся в этом и себе, и соседям по дому. И изо всех сил стремился исполнить свою клятву.

Тут же находилась миссис Уэллс. Раздавая копии повестки дня, она неизменно улыбалась и говорила нараспев:

– Пункт «три а», где речь должна идти об ассигнованиях на ремонт крыши, перенесен в следующий пункт «четыре а». Пожалуйста, обратите на это внимание.

Получив у нее повестку дня, жильцы делились на два потока, направлявшиеся в противоположные концы зала: либеральная фракция дома занимала места справа, консерваторы – слева. Каждая из фракций делала вид, что другой вообще не существует. Немногие же независимые – жильцы, совсем недавно поселившиеся в доме, или просто одинокие придурки – устраивались в конце зала, застенчивые и молчаливые, в то время как остальная часть помещения просто гудела от множества проходивших одновременно микросовещаний.

Общее настроение в зале было достаточно терпимым, однако все жильцы прекрасно понимали, что схватка сегодня предстоит серьезная. И обе стороны серьезно к ней готовились: тут и там шелестели документы, ходатайства, вырезки из газет. Их читали, оценивали и передавали из рук в руки.

На возвышении стоял стол президиума, за которым вместе с четырьмя членами попечительского совета сидел и председатель сегодняшнего собрания Дональд Тишман. Ему было не по себе. Человек миролюбивый, он всегда стремился избежать таких ситуаций. Даже просто находиться в этом зале было выше его сил, а ведь придется принимать в предстоящем собрании самое активное участие. На председательский стул приходилось садиться по очереди каждому жильцу, и вот сегодня настала очередь Тишмана. А тут, как назло, достиг своей кульминации школьный вопрос.

Зал почти заполнился, и Патрик Дойл, нынешний домовый капеллан, выглядевший в своем длинном белом одеянии не слишком счастливым, поднял руки, прося зал успокоиться.

– Молитва на открытие, – хрипло сказал он, прочистил горло и поднял небольшую карточку. – Пожалуйста, закройте глаза и склоните головы.

Он бросил взгляд в сторону президиума, и Тишман кивнул ему.

– Отче наш, – обратился к потолку Дойл, – мы, жильцы коммунального жилого комплекса «Авраам Линкольн», молим Тебя благословить наше сегодняшнее собрание. Мы... э-э... просим Тебя, чтобы Ты милостиво разрешил нам собрать средства, необходимые для ремонта крыши, безотлагательность которого сделалась ясной каждому жильцу. Мы просим также, чтобы были исцелены наши хворые и чтобы при рассмотрении заявлений тех, кто возжелает жить вместе с нами, мы проявляли мудрость в выборе тех, кого допустить, а от кого отвернуться. Еще мы просим о том, чтобы никто из посторонних не мог пробраться к нам и преступить спокойствие нашей законопослушной жизни. И наконец, особо просим о том, чтобы наша Николь Тибодо вылечилась от свища, который не позволяет ей в последнее время появляться перед нами на экранах телевизоров, и чтобы ее головные боли не имели никакого отношения к несчастному случаю двухлетней давности, когда рабочий сцены позволил упасть на ее голову куску декорации, отправившему ее на несколько дней в госпиталь... Аминь!

– Аминь! – согласилась аудитория.

– А теперь, – сказал поднявшийся со своего стула Тишман, – прежде чем приступить к делу, давайте потратим несколько минут на то, что нам приготовили наши таланты. Я думаю, все получают немало удовольствия. Сначала перед нами выступят три девочки Фетерсмоллер из квартиры двести пять. Они исполнят танец под мелодию «Я воздвигну лестницу к звездам».

Он сел, а на сцене появились три светловолосые девчушки, хорошо знакомые собравшимся по своим прошлым выступлениям. Пока они, одетые в полосатые панталончики и сверкающие серебристые жакеты, улыбаясь, исполняли свой танец, открылась дверь в коридор и на пороге возник Эдгар Стоун.

В этот вечер он опоздал из-за контрольного теста своего ближайшего соседа, мистера Иана Дункана, и сейчас, стоя в дверях, все еще размышлял о том, какими жалкими знаниями обладает сосед. Эдгару Стоуну было совершенно ясно, что, даже не закончив просмотр ответов Иана Дункана, можно сделать вывод: сосед с экзаменом не справился.

На сцене девчушки Фетерсмоллер запели писклявыми голосками, и Стоун задался вопросом, зачем он здесь. Скорее всего, он пришел лишь для того, чтобы не оказаться оштрафованным, поскольку посещение собраний было для всех жильцов делом строго обязательным. А все эти столь часто организуемые смотры любительских талантов были ему совершенно до лампочки. То ли дело – былые времена, когда по телевидению транслировались развлекательные программы, в которых принимали участие высокоталантливые профессионалы!.. Теперь, разумеется, все сколько-нибудь талантливые профессионалы заангажированы Белым домом, а телевидение из средства развлечения превратилось в преподавателя и пропагандиста. Мистер Стоун подумал о славном золотом веке, давно уже ушедшем, вспомнил таких комиков, как Джек Леммон и Ширли Маклейн, еще раз глянул на сестричек Фетерсмоллер и застонал.

Дежуривший у двери Винс Страйкрок услышал этот стон и бросил на мистера Стоуна строгий взгляд.

«А и ладно, – подумал мистер Стоун. – По крайней мере, я пропустил молитву...»

Он предъявил свой идентификат новой дорогой машине Винса, и она дала разрешение пропустить его – о, какое счастье! – на одно из незанятых мест. Все лица вокруг были до тошноты знакомыми. Интересно, видит ли это сейчас Николь? Транслируется ли выступление юных талантов по телевидению? Девчонки Фетерсмоллер, скорее всего, стараются зря.

Усевшись, он закрыл глаза, не в силах смотреть на сцену. Жаль, что нельзя было заткнуть уши...

«Они никогда ничего не добьются, – подумал он. – Им надо смириться с этим. И им, и их честолюбивым родителям. Нет никаких особенных талантов ни у них, ни у других жите-

лей дома... Нашему дому нечего добавить в культуру США, сколько бы мы ни проливали пота и как бы ни стремились изменить такую ситуацию».

Безнадежность положения девчонок Фетерсмоллер заставила его еще раз вспомнить о тестовых бумагах, которые, трясаясь и бледнея лицом, всучил ему рано утром Иан Дункан. Если Дункан потерпит неудачу, ему будет куда хуже, чем даже этим девчонкам Фетерсмоллер. Не жить ему тогда в «Аврааме Линкольне», он выпадет из поля зрения – во всяком случае, из их поля зрения – и вернется к своему прежнему презируемому статусу. Он наверняка, если только не откроются вдруг у него какие-то особые способности, снова окажется в общежитии и будет заниматься тяжелым физическим трудом, как довелось всем это делать в юные годы.

Безусловно, ему вернут сумму, которую он успел выплатить за свою квартиру, – это была немалая сумма, представляющая собой главное капиталовложение человека за всю его жизнь. Отчасти Стоун даже завидовал Дункану.

«Что бы предпринял я, – спрашивал он самого себя, сидя с закрытыми глазами, – если бы мне сейчас возвратили активы? Ведь там набежало уже очень и очень изрядно... Возможно, я бы эмигрировал. Приобрел бы один из этих дешевых драндулетов, которыми незаконно торгуют на распродажах, где...»

Грянувшие аплодисменты вернули его к действительности. Девочки закончили выступление, и Стоун тоже захлопал в ладоши. Тишман взмахами рук принялся утихомиривать зал.

– О'кей, народ! Я знаю, что вы насладились увиденным, но сегодня вечером у нас есть и другие выступления. Да плюс официальная часть нашего собрания. Не стоит забывать об этом. – Он улыбнулся.

«Да, – подумал Стоун, – дела-делишки». И почувствовал себя очень и очень неудобно, поскольку считался в «Аврааме Линкольне» одним из самых главных радикалов, тех, кто хотел закрыть принадлежавшую комплексу среднюю школу и отправить своих детей в муниципальную, где их способности можно было сравнить со способностями детей из других комплексов.

Это была идея, вызвавшая особое противодействие. Тем не менее за последние несколько недель она получила весьма ощутимую поддержку. Вероятно, причиной стало осознание, что для всех наступают необычные времена. В любом случае осуществление этого предложения обернется расширением кругозора детских умов! Дети «Авраама Линкольна» обнаружат, что люди из других жилых комплексов ничем не отличаются от них. Будут сломаны барьеры, разделяющие обитателей разных зданий, и возникнет новое взаимопонимание между людьми...

По крайней мере, такие идеи владели Стоуном. Однако консерваторы вовсе не считали это предложение своевременным. По их мнению, начинать такое смешение было слишком рано. Между детьми вспыхнут драки, ведь дети есть дети, они обязательно начнут доказывать друг другу, что именно их жилой комплекс выше и престижнее. Рано или поздно, разумеется, придется пойти на такой шаг, но не сейчас, не так скоро.

Оставаясь этим вечером в своей квартире, мистер Иан Дункан рисковал подвергнуться суровому штрафу. Тем не менее он решил пропустить собрание, поскольку собирался заняться изучением официальных правительственных документов, касавшихся политической истории Соединенных Штатов Европы и Америки. Он был слаб в этом вопросе и прекрасно понимал это; он с трудом постигал экономические факторы развития государства, не говоря уже о религиозно-политических идеологиях, что зародились и исчезли еще в двадцатом столетии, но обусловили возникновение нынешней ситуации в стране. Это касалось, например, создания демократическо-республиканской партии. Раньше существовали

две партии (или даже три?), которые погрязли в расточительной борьбе за власть точно так же, как это делают сейчас отдельные жилые комплексы. Эти две (или три?) партии слились около 1985 года, как раз перед тем, как в СШЕА вступила Германия. И теперь существовала только одна партия, которая управляла устойчивым и мирным обществом, и каждый, согласно закону, был членом этого общества. Любой гражданин должен выполнять свои обязанности, посещать собрания и каждые четыре года участвовать в выборах нового Дер Альте – человека, который, как полагали, больше всего понравится Николь.

Было очень приятно сознавать, что они – народ – обладают властью решать, кто станет мужем Николь на очередные четыре года; в определенном смысле это давало избирателям наивысшую власть, власть даже над самой Николь. Взять, к примеру, хотя бы последнего ее мужа, Рудольфа Кальбфляйша. Отношения между этим Дер Альте и Первой Леди были весьма прохладными, указывая на то, что она была не очень-то довольна этим последним выбором своего народа. Но, разумеется, будучи настоящей леди, она никогда этого не показывала в открытую.

Когда положение Первой Леди получило статус более высокий, чем самого президента? – спрашивалось в учебнике.

«Другими словами, когда наше общество стало матриархальным? – спросил самого себя Иан Дункан. – Где-то в районе тысяча девятьсот девяностого года. Ответ на этот вопрос я знаю».

Тенденции наблюдались и раньше, перемена происходила постепенно. С каждым годом Дер Альте все больше отходил на второй план, а Первая Леди становилась все более общеизвестной, более любимой народом. Именно публика и вызвала к жизни такую перемену. Может, это было результатом возрастающей потребности каждого в матери, жене, хозяйке или, может, во всех трех женских ипостасях сразу? Во всяком случае, общество получило то, что хотело. У него появилась Николь, ставшая сразу всеми тремя ипостасями. И даже чем-то большим...

От стоящего в углу комнаты телевизора донеслось «динь!», означавшее, что наступило время передачи. Дункан со вздохом закрыл официальный учебник по религиозно-политической идеологии и перенес внимание на экран. Наверняка это будет сообщение, касающееся деятельности Белого дома. К примеру, рассказ об очередной поездке Николь. Или повествование (во всех мельчайших подробностях) о ее новом хобби. Что, если теперь она увлеклась коллекционированием чайных чашек из китайского фарфора?.. Тогда нам придется битый час паяться на эти чертовы чашки!..

На экране возникло суровое круглое лицо Максвелла У. Джемисона, пресс-секретаря Белого дома.

– Добрый вечер, граждане Земли нашей! – торжественно сказал он. – Вас никогда не интересовало, что такое – опуститься на дно Тихого океана? Николь заинтересовало, и, чтобы получить ответы на свои вопросы, она собрала здесь, в Белом доме, в Гостиной с тюльпанами, троих самых выдающихся в мире океанографов. Сегодня она попросит их поделиться своими знаниями, и вы тоже услышите ученых, так как их рассказы были недавно записаны на пленку с помощью Бюро общественных связей телекомпании «Юнифид Триа-дик нетворк».

«А теперь в Белый дом! – скомандовал самому себе Дункан. – Хотя бы посмотреть со стороны... Мы, у кого нет никаких шансов попасть туда реально, у кого нет никаких особых талантов, способных заинтересовать Первую Леди, увидим, по крайней мере, таланты других. Хотя бы по телевизору...»

Вообще-то ему сегодня не очень хотелось таращиться в телевизор, но отказаться от него совсем было бы нецелесообразно. В конце программы вполне могла оказаться викторина. А хороший уровень ответов на ее вопросы вполне мог компенсировать ту плохую

оценку, которую он, Дункан, заработал за последний релпол-тест и над которой все еще размышлял сосед, мистер Эдгар Стоун.

На экране уже цвели прелестные спокойные черты, светлая кожа и карие умные глаза – мудрое и вместе с тем озорное лицо женщины, сумевшей приковать к себе всеобщее внимание, чьей судьбой жила вся нация и почти вся планета. Глянув на эту женщину, Иан Дункан ощутил самый настоящий страх. Он подвел ее: отвратительные результаты его тестов стали известны ей, и, хотя она ничего и не скажет об этом, лицо ее выражало явное разочарование.

– Добрый вечер! – сказала Николь ласковым, чуть хрипловатым голосом.

– Я неверно живу, – пробормотал Дункан. – Мои мозги не приспособлены к абстрактному мышлению. Я имею в виду всю эту религиозно-политическую философию. На мой взгляд, она совершенно бессмысленна. Я способен сконцентрироваться только на реальности. И мне стоило бы делать кирпичи или шить обувь.

«Мне стоило бы жить на Марсе, – подумал он, – на рубеже, который осваивают новые переселенцы. Здесь я полностью провалился. Мне всего тридцать пять, но я уже выброшен на берег. *И она об этом знает...* Отпусти меня, Николь! – взмолился он в отчаянии. – Не устраивай мне больше проверок, у меня нет никаких шансов выдержать их. Даже эта сегодняшняя программа об освоении дна океана... Она еще закончиться не успеет, а я уже забуду все, что в ней говорилось. Демократическо-республиканской партии нет от меня никакой пользы...»

Тут он вспомнил о своем прежнем приятеле Эле.

«Эл мог бы помочь мне», – подумал он.

Эл работал у Чокнутого Луки, в одном из его «Пристанищ драндулетов», торгуя межпланетными консервными банками, которые мог позволить себе даже самый нищий и на борту которых, при доле везения, можно было успешно совершить разовый перелет на Марс.

«Эл мог бы достать мне такую развалюху по оптовой цене», – подумал Дункан.

А Николь продолжала смотреть на него с телевизионного экрана.

– И действительно, – говорила она, – это просто мир сплошного очарования. Возьмите хотя бы эти светящиеся существа, далеко превосходящие в своем разнообразии и своих поразительных свойствах все, что было найдено на других планетах. Ученые подсчитали, что в океане различных форм жизни больше...

Лицо ее исчезло с экрана, по нему теперь проплывали потрясающе причудливые рыбы.

«Это часть пропагандистской кампании, – понял вдруг Дункан. – Попытка отвлечь наши умы от эмиграции на Марс. Стремление заставить нас забыть об отходе от партии и тем самым от нее самой».

С экрана на него глядела теперь какая-то пучеглазая рыбина, против воли приковавшая к себе его внимание.

«Черт побери, – подумалось вдруг ему, – какой это все-таки загадочный мир, океанские глубины! Николь все-таки заманила меня в ловушку. Если бы Эл и я преуспели, то мы, наверное, сейчас выступали бы перед нею и были бы счастливы. Пока бы она брала интервью у знаменитых на весь мир океанографов, мы бы, Эл и я, сопровождали передачу, исполняя, скорее всего, одну из “Двухголосных инвектив” Баха».

Пройдя к шкафу, Иан Дункан нагнулся и осторожно поднял завернутый в материю предмет, поднес его к свету.

«Как была сильна наша юношеская вера в это!» – вспомнил он.

С нежностью погладив кувшин, он сделал глубокий вдох, дунул пару раз внутрь сосуда, взяв несколько низких нот. «Дункан и Миллер – дуэт на кувшинах»...

Они с Элом Миллером не раз играли в собственной аранжировке сочинения Баха, Моцарта и Стравинского. Однако искатель талантов для Белого дома оказался вонючим скунсом. Он не дал им выступить даже на прослушивании. По его утверждению, то, что они

делали, было не ново. Джесси Пигг, легендарный кувшинист из Алабамы, первым пробился в Белый дом, доставив удовольствие дюжине собравшихся там членов семьи Тибодо своими версиями «Бараньего дерби», «Джона Генри» и тому подобным.

«Но, – возразил тогда Дункан, – ведь у нас классика! Мы играем сонаты позднего Бетховена».

«Мы вызовем вас, – пообещал им искатель талантов, – если Никки проявит когда-нибудь в будущем интерес к подобной музыке».

Никки! Дункан побледнел. Неужели этот тип настолько близок Первой Семье! Бормоча что-то бессвязное, Дункан глянул на Эла, и они покинули сцену вместе со своими кувшинами. Их сменили следующие конкурсанты – группа собак, одетых в наряды эпохи Елизаветы и изображавших персонажей «Гамлета».

Собак тоже отправили прочь, однако это было весьма слабым утешением...

– Утверждают, – продолжала тем временем Николь, – что в глубинах океана мало света... А вот поглядите-ка на это странное существо.

По экрану проплыла рыба, перед носом которой светил яркий фонарик.

Тут в дверь постучали, и Иан вздрогнул от неожиданности. Потом встал и осторожно открыл.

На пороге, удивленно глядя на Дункана, стоял его сосед, мистер Стоун.

– Вы пропускаете собрание? – спросил он. – Разве во время переключки это не обнаружится?

В руках мистер Стоун держал все те же злополучные бумаги.

– Ну, каковы у меня успехи? – спросил Дункан.

Он был готов к самому худшему.

Войдя в квартиру, Стоун прикрыл за собою дверь. Глянул в сторону телевизора, увидел на экране Николь, сидевшую с океанографами, пару секунд послушал, о чем она говорит, и резко сказал хриплым голосом:

– Вы прошли тестирование с отличным результатом. – Он протянул бумаги Иану.

– Я прошел? – Дункан не поверил тому, что услышал.

Он взял бумаги у Стоуна, принялся недоверчиво их разглядывать. И тут же понял, что случилось.

Стоун решил вести себя так, будто Дункану удалось справиться с испытанием. Он сфальсифицировал результат, судя по всему, просто по-человечески сжалившись над соседом. Дункан поднял голову, и они молча посмотрели друг на друга.

«Какой ужас! – подумал Дункан. – И что же теперь?»

Такая реакция поразила его самого, но с этим ничего нельзя было поделать.

«Я желал провала, – понял вдруг он. – Но почему?.. – И сам себе ответил: – Да чтобы удрать отсюда, чтобы у меня была причина отказаться от всего этого, бросить свою квартиру, свою работу, сделать выбор и удрать. Эмигрировать в одной рубашке, воспользовавшись развалюхой, которая навсегда останется в марсианской пустыне».

– Благодарю вас, – хмуро сказал он.

– Когда-нибудь, – быстро ответил Стоун, – вы сделаете нечто похожее и для меня.

– О да, буду рад.

Стоун поспешно ушел. И оставил Дункана наедине с телевизором, кувшином, лживыми бумагами, подтверждающими, что тот выдержал тесты. Наедине с его мыслями.

Глава третья

На следующее после собрания утро Винс Страйкрок, американский гражданин и квартиросъемщик в доме «Авраам Линкольн», брился и периодически поглядывал на экран телевизора. Пришлось бы вернуться в 1994 год, тот самый год, когда Германия стала пятьдесят третьим из Соединенных Штатов, чтобы понять, почему Винс так жадно прислушивался к выступлению Дер Альте.

Нынешний Дер Альте, президент Руди Кальбфляйш, всегда раздражал Винса, и тот день, через два года, когда наступит срок окончания президентства и Кальбфляйшу придется уйти в отставку, станет поистине великим. Нет, в самом деле, день, когда закон прекращает полномочия очередного из Дер Альте, достоин того, чтобы его праздновать.

Тем не менее Винс прекрасно понимал, что, пока старик остается на этой должности, не стоит упускать возможность повлиять хоть каким-то образом на ход событий, поэтому он выключил бритву и прошел в гостиную, чтобы поиграть с пультом телевизора. Он отрегулировал по своему вкусу положение нескольких кнопок и с надеждой стал ждать, когда настрой речи Дер Альте хоть чуть-чуть изменится к лучшему... Однако изменений не происходило. Слишком у большого числа телезрителей были свои собственные представления о том, что и как следует говорить старику. Собственно, в одном только этом жилом комплексе было достаточно людей, чтобы нейтрализовать любое давление, которое Винс мог оказать на старика с помощью системы обратной связи. Но в конце концов, в этом и заключается демократия. Винс тяжело вздохнул. Именно этого все и добивались – иметь правительство, которое восприимчиво к тому, что говорит народ. Винс вернулся в ванную и снова взялся за бритву.

– Эй, Джули! – позвал он жену. – Завтрак готов?

Однако с кухни не донеслось ни звука. И когда этот факт окончательно дошел до сознания Винса, он вспомнил, что жены не оказалось и в постели, когда он проснулся в это утро...

Внезапно он все вспомнил. Вчера, после собрания по случаю Дня поминовения, он и Джули поссорились так сильно, что решили развестись, тут же спустились к домовому уполномоченному по бракам и разводам и заполнили необходимые документы. Джули собрала вещички и хлопнула дверью, так что теперь он находился в квартире один. И если не приготовит завтрак самостоятельно, то останется голодным.

Это был удар, потому что их брак длился уже довольно долго – целых шесть месяцев – и Винс привык видеть Джули по утрам на кухне. Она знала, что ему нравится яичница, посыпанная тертым сыром «Мюнстер» (причем неострым). Черт бы подрал это новое законодательство, либеральное в части разводов, что протащил президент Кальбфляйш! Жаль, что старик не отбросил копыта во время одного из своих знаменитых двухчасовых послеобеденных снов! Впрочем, тогда бы его место попросту занял другой Дер Альте. К тому же даже смерть старика не вернула бы Джули назад – это было превыше возможностей бюрократической машины США, сколь бы мощна она ни была.

Разозлившись, Винс подошел к телевизору и нажал на кнопку «С». Если ее нажимали достаточное число граждан, старик должен был отключиться – кнопка «Стоп» прекращала президентскую болтовню. Винс подождал немного, однако маловразумительная болтовня продолжалась.

И тут его осенило: сейчас всего лишь восемь часов утра! Очень уж странно столь раннее выступление! Может, мощный взрыв в топливном хранилище разнес на кусочки всю лунную колонию? Старик частенько трепался о том, что надо бы потуже затянуть пояса, если хотим продолжать космическую программу, а не то вполне можно ожидать наступления эпохи самых разнообразных катастроф... Или наконец-то в земле – вернее, в грунте – нашли

подлинные останки представителей некогда обитавшей на Марсе разумной расы? Лучше бы это произошло не на французской территории, а, как любил выражаться Дер Альте, на «нашей».

«Слушай, ты, прусский недоносок, – подумал Винс. – Нам вообще не следовало пускать тебя сюда, в земли, которые я бы назвал “нашим палаточным лагерем”. Федеральный союз нужно было ограничить лишь Западным полушарием. Но мир стал тесен. Когда основываются колонии за многие миллионы миль отсюда, на иных планетах или на спутниках иных планет, три тысячи миль, отделяющие Нью-Йорк от Берлина, не кажутся большим расстоянием. И, видит бог, немцы просто мечтали об этом!»

Подняв видеофонную трубку, Винс позвонил домоуправу.

– Моя жена Джули... я имею в виду свою бывшую жену... она, случаем, не арендовала вчера квартиру в нашем же доме?

Если бы Винсу удалось найти Джули, он бы, возможно, позавтракал с нею, и это подняло бы его настроение... Он ждал ответ с надеждой.

– Нет, мистер Страйкрок. – Несколько секунд молчания. – В наших документах ничего не отмечено.

«Вот дьяволица!» – подумал Винс и положил трубку.

Что же все-таки за штука этот брак? Договоренность делиться чем угодно, в том числе и мнениями по поводу ранней утренней речи Дер Альте?... Уверенность в том, что кто-то приготовил тебе завтрак, пока ты собираешься на работу в детройтский филиал фирмы «Карп унд Зоннен Верке»?.. Да, конечно, брак означает взаимную договоренность, в соответствии с которой один из супругов может заставить другого заниматься тем, что ему самому не по нраву. К примеру, приготовлением пищи – Винс терпеть не мог употреблять пищу, которая приготовлена его собственными руками. В периоды холостяцкой жизни он питался в домовом кафетерии. И теперь его ждала та самая, еще не забытая, кормежка. Мэри, Джин, Лора, теперь Джули... Четыре брака, последний – самый короткий... Похоже, он, Винс, неуклонно катится под горку. Может, упаси господи, он вообще скрытый гомик?

А Дер Альте продолжал вещать с экрана:

– ...и полувоенная активность напоминает эру Варварства и, следовательно, должна быть отвергнута.

Эрой Варварства именовался период господства нацистов в середине прошлого века. С тех пор прошло сто лет, но время это еще вспоминали – пусть и в искаженном свете, однако достаточно ярко. Вот и прибег Дер Альте к помощи радиоволн – чтобы осудить «Сыновей Иова», новейшую организацию квазирелигиозного характера, созданную психами, которые болтались по улицам, призывая очистить национальную этническую среду и провозглашая другие, не менее идиотские требования. Иными словами, это были призывы изгнать из общественной жизни лиц, которых в народе зовут специалистами, особенно тех, кто родился в период выпадения радиоактивных осадков, вызванных испытаниями атомных бомб, в частности после сверхмощных ядерных взрывов в Народном Китае.

«Это относится и к Джули, – подумал Винс, – ведь она бесплодна. И поскольку она не способна выносить ребенка, ей не разрешат голосовать на выборах... Подобную идиотскую логическую связь между двумя фактами способны увидеть только обитатели Центральной Европы, подобные немцам. Хвост, который управляет собакой... – Винс вытер лицо полотенцем. – Мы в Северной Америке являемся собакой, а рейх – хвостом. Ну и жизнь! Может, лучше эмигрировать куда-нибудь под неяркое бледно-желтое солнце, где даже твари с восьмью ногами и жалом не лишены права голоса? И где нет “Сыновей Иова”»...

Не все спецалы были такими уж сильно необычными, но изрядное число их считали необходимым – и не без серьезных оснований – эмигрировать. Кроме того, готовы были эмигрировать и многие ничем не примечательные люди, которые просто устали от жизни на

перенаселенной, чрезмерно бюрократизированной планете Земля наших дней, независимо от того, жили они в США, во Французской Империи, в Народной Азии или в Свободной – то есть Черной – Африке.

Винс пошел на кухню и принялся поджаривать бекон и яйца. А пока бекон жарился, он покормил единственное домашнее животное, которое ему разрешалось держать в квартире, – Георга III, маленькую зеленую черепашку. Георг III съел сушеных мух (25 процентов белков – продукт более питательный, чем пища, употребляемая людьми), гамбургер и муравьиные яйца. Этот завтрак заставил Винса Страйкрока прийти к мнению, что аксиома «*De gustibus non disputandum*»² относится не только к людям, особенно в восемь часов утра.

Совсем недавно, всего пять лет назад, в доме «Авраам Линкольн» разрешалось держать комнатную птичку, но теперь это было совершенно исключено. И в самом деле, такая птичка создает слишком много шума. В соответствии с параграфом номер двести пять домашнего устава вам запрещается свистеть, петь, чирикать или щебетать. Черепаха нема – как и жираф, – но жирафы были *verboden*³ наряду с собаками и кошками, большими друзьями человека, давними его спутниками, которые исчезали еще в годы правления Дер Альте Фредериха Хемпеля, которого Винс почти не помнил. Так что дело здесь было вовсе не в немоте, и ему оставалось, как и часто бывало, только строить догадки об истинных причинах, которыми руководствовалась при запретах бюрократия. Винс искренне не мог понять ее мотивы и в некотором смысле был даже доволен этим. Это доказывало, что духовно он не причастен ко всему этому.

Увядавшее, вытянутое, почти старческое лицо на экране телевизора исчезло, и паузу в программе заполнила музыка. Это был Перси Грейнджер, мелодия под названием «Гендель на берегу», столь же банальная. В общем, очень подходящий постскрипtum к происходившему ранее... Винс вдруг щелкнул каблуками, вытянулся, пародируя немецкую воинскую выправку – подбородок высоко вздернут, руки по швам, – под маршевую мелодию, которая гремела из телевизора. Такие мелодии власти называли «Ges»⁴ и считали уместным заполнять ими телепаузы. «Heil!» – сказал себе Винс и вскинул руку в старинном нацистском приветствии.

Музыка продолжала греметь.

Винс переключился на другой канал.

На экране появился мужчина, с затравленным видом стоящий в самой гуще толпы, которая, похоже, приветствовала его. Мужчину сопровождали явно переодетые полицейские, подвели к припаркованной тут же машине, усадили внутрь. Действо это сопровождалось голосом диктора:

– ...И так же, как в сотнях других городов США, здесь, в Бонне, взят под стражу доктор Джек Даулинг. Ведущий психиатр венской школы арестован после того, как выступил с протестом против только что одобренного законопроекта, так называемого акта Макферсона...

На экране телевизора полицейский автомобиль быстро покатило прочь.

«Ну и дела! – угрюмо подумал Винс. – Примета нашего времени – более репрессивное законодательство, продавливаемое напуганной бюрократией. Ну и от кого мне теперь ждать помощи, если разрыв с Джули свернет меня с катушек? А такое вполне может произойти... И я никогда раньше не обращался к психоаналитикам – у меня не было в этом необходимости, поскольку ничего особенно тяжелого со мною не случилось... Джули, – подумал он, – где ты?»

² О вкусах не спорят (лат.). (Прим. перев.)

³ Запрещены (нем.). (Прим. перев.)

⁴ От *Gesang* – песня (нем.). (Прим. перев.)

Место действия на экране телевизора изменилось, однако сюжет был похож на предыдущий: снова толпа, снова полиция (хоть и в другой форме), снова психоаналитик, которого куда-то уводят, арестовывая еще одну протестующую душу.

– Обратите внимание, – говорил телекомментатор, – как верны своим психоаналитикам пациенты. А впрочем, почему бы и нет? Если человек много лет полагается на действенность психоанализа...

«Что же теперь будет? – спрашивал себя Винс. – Джули, если ты сейчас с каким-нибудь другим мужчиной, то это беда. Я или умру, узнав такое, или оставлю тебя этому типу, кем бы он ни оказался. Даже если... особенно если это кто-либо из моих друзей».

Телевизор продолжал бормотать, но Винс его не слышал.

«Нет, – решил он. – Я верну тебя, Джули. Мои взаимоотношения с тобой уникальны, это совсем не то, что было у меня с Мэри, Джин или Лорой. Я люблю тебя, Джули, – вот в чем загвоздка. Боже мой, до чего же я влюблен! В такое время, в таком возрасте! Невероятно! Если бы я сказал тебе об этом, если бы ты узнала, ты бы расхохоталась мне в лицо».

Он по-прежнему смотрел на экран, но видел только Джули.

«Мне бы стоило обратиться к психоаналитику, – понял он. – Я в опасном состоянии, я психологически зависим от такого холодного и эгоистичного создания, как Джули. Черт побери, это просто безумие!.. Интересно, сумел бы Джек Даулинг, ведущий психоаналитик венской школы в Бонне, вылечить меня? Освободить от этого безумия? Или этот другой, которого показывали...»

Он вновь услышал голос диктора: тот продолжал комментировать ситуацию, хотя полицейская машина уже уехала. Арестованного доктора звали Эгон Сьюпек.

«С виду умный и симпатичный, – подумал Винс, – и явно наделен умением сопереживать... Послушайте, Эгон Сьюпек, меня постигла большая беда: сегодня утром, когда я проснулся, рухнул весь мой мир. Мне нужна женщина, которую я, по всей вероятности, больше уже никогда не увижу. И лекарства “АГ Хеми” мне не помогут... если, конечно, не прибегнуть к передозировке. Но это совсем не того рода помощь, которая мне требуется».

Передача по телевизору наконец закончилась.

«А может, сговориться с Чиком и вдвоем присоединиться к “Сыновьям Иова”? – подумал вдруг Винс. – Мы с Чиком дадим клятву верности Бертольду Гольцу. Некоторые давно уже так поступили, те, кто недоволен своей судьбой, у кого не сложилась жизнь – личная, как в моем случае, или деловая, кому не удалось взойти по ступенькам социальной лестницы, от статуса бефта к статусу гехта. – Он представил себе эту картину. – Чик и я – “Сыновья Иова”... марширующие по улицам в этой дурацкой форме... ставшие всеобщим посмешищем... Зато с верой!.. Вот только во что? В конечную победу?.. В Гольца, который напоминает героя фильма “Rattenfänger”?»⁵

Он даже съезился от этой мысли – так она была ужасна.

И тем не менее она крепко засела в его голове.

Квартира Чика Страйкрока, старшего брата Винса, находилась на самом верхнем этаже «Авраама Линкольна». Проснувшись, Чик, худой и лысоватый мужчина, поглядел на часы, пытаясь понять, можно ли ему хоть чуть-чуть поваляться. Однако ничего утешительного для себя не обнаружил – часы показывали уже восемь пятнадцать. Самое время отрывать задницу от постели... К счастью, за стенами здания громко торговал своим товаром робот-информатор. Он-то и разбудил Чика.

Оставив часы в покое, он повернул голову и с удивлением обнаружил, что рядом кто-то лежит. Сна как не бывало. Чик широко открыл глаза и уставился на укрытое простыней

⁵ Крысолов (нем.). (Прим. перев.)

тело. Судя по разметавшейся на подушке копне рыжих волос, рядом лежала молодая женщина, причем (он испытал облегчение... если, конечно, это было облегчение) хорошо ему знакомая.

Джули! Невестка, жена брата Винса... Ничего себе компот!..

Чик сел и спустил ноги на пол.

«Давай-ка разберемся, – сказал он себе. – Вчера вечером... Что происходило после Дня поминовения?»

Ага, притащилась к нему Джули, вся в расстроенных чувствах, с чемоданом и двумя пальто, и принялась плести историю, которая в конце концов свелась к тому, что она законно развелась с Винсом, что она ему больше не жена и вольна идти куда и к кому захочется. Вот почему она и пришла. А почему именно сюда? Этой части объяснений Чик никак не мог вспомнить. Джули всегда ему нравилась, но это никоим образом не могло объяснить случившееся. Поступок Джули проистекал из ее собственного, скрытого от других внутреннего мира, с его особыми ценностями и отношениями, к которым Чик абсолютно не был причастен. Объективно оправдания ее поступку не находилось...

Тем не менее Джули спит без задних ног рядом, и физически она здесь, но только физически: закутавшись в простыню, будто спряталась в раковину, как улитка. И наверное, правильно. Во всяком случае, для Чика все, что случилось ночью, отдавало грехом кровосмешения, несмотря на всю ясность законных решений. Джули была для Чика членом семьи, и он никогда в ее сторону не поглядывал, но вчера вечером, после нескольких порций спиртного... Ага, вот как все произошло! Конечно, он мог бы и не пить, но все-таки выпил, и сразу все изменилось, и ушли опасения, и пришла раскованность, даже безрассудство, и все сомнения остались за пределами его квартиры... Вот и пожинай теперь урожай, расхлебывай все, что заварил!..

И все же где-то там, в самой глубине души, он не слишком возражал против случившегося. Джули могла пойти куда угодно, а пришла сюда – в этом был своего рода комплимент старшему из братьев.

Но теперь, когда придется сталкиваться с младшим братом, проверяющим идентификаты тех, кто входит в дом, Чику будет очень неловко. Винсу, понятное дело, захочется обсудить возникшую проблему угрюмо и глубокомысленно, и много интеллектуального пыла будет потрачено зря. Каковы глубинные причины возникновения этого треугольника? Зачем Джули бросила Винса и почему перебралась именно к Чику?.. Вопросы бытия, из тех, какими интересовался еще Аристотель и какие были названы когда-то «конечными целями»... Винс все больше и больше отрывался от реальности и все меньше смысла видел в повседневной жизни...

«А позвоню-ка я лучше своему боссу, – подумал Чик. – И сообщу ему... вернее, попрошу у него разрешения опоздать. Мне следует выяснить отношения с Джули и понять, что это будет значить. Сколько времени она намерена у меня оставаться и возьмет ли на себя хоть часть расходов? Вопросы практические, совсем не философские, связанные с реальной жизнью...»

Все еще в пижаме, он прошел на кухню, приготовил себе кофе и некоторое время сидел, потягивая его. Затем включил видеофон и набрал номер своего босса, Мори Фрауэнциммера. Экран сначала стал бледно-серым, потом ярко-белым, а потом на нем возникло плохо сфокусированное изображение Мори.

Тот брился.

– Да, Чик?

– Привет! – сказал Чик и с удивлением обнаружил, как гордо зазвучал его голос. – У меня тут девчонка, Мори, так что я опоздаю.

Это было чисто мужское дело. Не имело особого значения, что это за девчонка; не требовалось никаких подробностей. Мори не задал ни одного вопроса, на его лице родилось произвольное подлинное восхищение, тут же сменившееся осуждением. Однако сначала было восхищение! Чик улыбнулся: притворное осуждение – не та реакция, которая заставляет беспокоиться.

– Проклятье! – сказал Мори. – Постарайся появиться не позже девяти.

Тон его голоса говорил совсем иное: «Жаль, я не на твоём месте! И завидую тебе, черт бы тебя побрал!»

– Хорошо, – сказал Чик. – Постараюсь как можно быстрее.

Он бросил взгляд в сторону спальни. Джули уже сидела на постели. Возможно, Мори ее даже видел. А может, и нет. В любом случае самое время закругляться.

– До встречи, старик! – Чик повесил трубку.

– Кто это был? – сонным голосом спросила Джули. – Винс?

– Нет. Это был мой босс. – Чик поставил воду для второй порции кофе. Потом вернулся в спальню и сел на кровать рядом с девушкой. – Привет! Как дела?

– Я забыла свою расческу, – прагматично сообщила Джули.

– Я куплю тебе новую в автомате, что стоит в холле.

– Это же просто пластмассовый мусор.

– Хм, – только и сказал он, чувствуя, как душу все больше заполняет горячая любовь и sentimentalность.

Ну и ситуация! Девушка в постели, а он сидит рядом, в одной пижаме... Это была горестно-сладкая картинка четырехмесячной давности из его последнего семейного жизненного этапа.

– Привет! – повторил он и погладил ее бедро.

– О боже! – сказала Джули. – Как жаль, что я не умерла!

Нет, она ни в чем его не обвиняла, более того, в этом ее восклицании не было никакого намека на истинное желание смерти. Просто она как бы возобновляла прерванный ночной разговор.

– Зачем все это, Чик? – спросила она. – Я люблю Винса, но он же настоящий кретин. Он никогда не станет взрослым и не взвалит на плечи жизненные заботы. Он всегда будет играть в свои игры, этакое воплощение современной, хорошо организованной общественной жизни, человек из истеблишмента, чистый и простой, хотя таким вовсе и не является. Разве что молод... – Она вздохнула.

Этот вздох остановил руку Чика, потому что был холодным и равнодушным. Она сбрасывала со счетов своего прежнего мужчину, перерезала пуповину, которая связывала ее с Винсом, почти без эмоций. Вернее, эмоции были столь ничтожными, будто она возвращала книгу, взятую в домашней библиотеке.

«Ничего себе компот! – подумал Чик. – А ведь этот человек был твоим мужем. Ты любила его. Ты спала с ним, жила с ним, знала о нем все, что только можно знать... Фактически ты знала его лучше, чем я, хотя он – мой брат столько времени, сколько ты и не жила на этом свете... Нет, женщины – подлые и жестокие существа, – решил он. – Ужасно жестокие!»

– Мне... э-э... пора на работу, – нервно сказал он.

– Кофе ты для меня поставил?

– Да, конечно!

– Принеси его сюда. Хорошо, Чик?

Он пошел заваривать кофе, она принялась одеваться.

– Старый Кальбфляйш толкал речь сегодня утром? – спросила Джули.

– Понятия не имею, – отозвался Чик.

Ему даже в голову не пришло включить телевизор, хотя он и прочел вчера вечером в программе о том, что речь передадут. Ему было чихать на все, о чем собирался тарыхтеть старый маразматик.

– Тебе и в самом деле нужно тащиться на эту чертову работу?

Джули не сводила с него глаз, и он впервые, пожалуй, увидел, как они красивы. Ее глаза были похожи на хорошо отшлифованные бриллианты, нуждающиеся прежде всего в дневном свете – только так могли проявиться их великолепные качества. У нее была также странноватая для женщины квадратная челюсть и чуть крупноватый рот, пухлые и неестественно красные губы загибались книзу, как у древнегреческих трагедийных масок, отвлекающая внимание от неряшливо окрашенных волос. Фигура у нее была просто прекрасная, со всеми необходимыми округлостями, да и одевалась Джули хорошо, вернее, выглядела великолепно, что бы на себя ни надела. Ей шли любые тряпки, даже хлопчатобумажные изделия массового пошива, доставлявшие столько трудностей другим женщинам. Вот и сейчас она натянула на себя то же, в чем была вчера вечером, – оливкового цвета дешевое платье с круглыми черными пуговицами, но даже в нем она выглядела первоклассно, другого слова и не подберешь. У нее была аристократическая осанка и прекрасные кости. На это указывали ее скулы, нос и превосходные зубы. Немкой она не была, но происхождения явно нордического – возможно, шведка или датчанка. Глядя на нее, Чик подумал, что годы на ней почти не сказываются, она казалась самой настоящей небьющейся игрушкой. Он и представить себе не мог, что она может стать оплывшей, толстой и унылой.

– Я проголодалась, – заметила Джули.

– Ты имеешь в виду, что я должен приготовить завтрак. – Чик не спрашивал, он утверждал.

– Нет, это я буду готовить завтрак для мужика, будь то ты или твой тупица братец, – ядовито сказала Джули.

Сердце Чика снова тронула тревога. Слишком скоро эта девица перешла на резкости!.. Он хорошо ее знал, знал, что она беспардонна, но неужели нельзя было повременить с грубостью хоть чуть-чуть? Неужели она и сюда принесла то настроение, что было у нее с Винсом? Разве не ждала она медовый месяц?

«Похоже, ты влип! – сказал себе Чик. – Слишком много ты захотел!.. Боже, а может, она уйдет отсюда? Надеюсь, именно так и произойдет...»

Это была совершенно ребяческая надежда, очень смешная для взрослого мужчины. Ни один взрослый мужчина никогда бы не понадеялся на подобный исход. Теперь Чик это понял.

– Я приготовлю завтрак, – сказал он и отправился на кухню.

Джули осталась в спальне и принялась расчесывать волосы.

– Вырубите его, – коротко сказал Гарт Макри своим обычным отрывистым тоном.

Изображение Кальбфляйша замерло. Руки продолжали оставаться поднятыми, зафиксировав последний жест, застывшее лицо ничего не выражало. Симулякр теперь молчал, и телекамеры автоматически выключались одна за другой; им больше нечего было передавать, и специалисты – все без исключения гехты – знали об этом. Они смотрели на Гарта Макри.

– Мы передали сообщение, – доложил Макри Антону Карпу.

– Отличная работа, – сказал Карп. – Этот Бертольд Гольц, эти «Сыновья Иова» выводят меня из себя. Надеюсь, после сегодняшней речи многие из моих вполне обоснованных опасений подрассеются.

Он вопросительно посмотрел на Макри, ожидая подтверждения своим словам. Как и все, кто находился в аппаратной, – в основном проектировщики симулякров, работающие на «Карп унд Зоннен Верке».

– Это только начало, – отметил Макри.

– Верно, – кивнул Карп. – Но начало отличное!

Он подошел к симулякру и осторожно притронулся к его плечу, как будто рассчитывал, что Кальбфляйш проснется и вновь заговорит. Разумеется, этого не произошло.

Макри рассмеялся.

– Жаль, – заметил Антон Карп, – что он не упомянул Адольфа Гитлера. Сами понимаете, сравнить «Сыновей Иова» с нацистами, а Гольца с Гитлером было бы правильно.

– Нет, – не согласился Макри. – Это вряд ли бы помогло, поскольку слишком бы соответствовало истине. Вы не политик, Карп. Откуда вы взяли, что правда – лучшее, чего следует придерживаться в политике? Если мы намерены остановить Бертольда Гольца, нам вовсе не следует выставлять его в качестве нового Гитлера. И знаете почему? Да потому, что в глубине души пятьдесят один процент местного населения только и мечтает о новом Гитлере. – Он улыбнулся Карпу.

Тот выглядел теперь настолько встревоженным, будто его терзали самые недобрые опасения.

– Вот что мне очень хотелось бы знать, – сказал он. – Способен ли Кальбфляйш утихомирить этих «Сыновей»? У вас есть аппарат фон Лессингера – вот и скажите мне.

– Нет, – ответил Макри. – Он не способен на это.

Карп разинул рот от удивления.

– Однако, – продолжал Макри, – Кальбфляйш намерен уйти в отставку. В следующем месяце.

Он не добавил того, что сразу же захотелось услышать от него Карпу, – ответа на вопрос, который инстинктивно должен был возникнуть как у Антона и Феликса Карпов, так и у всех сотрудников фирмы «Карп унд Зоннен Верке», ответа на вопрос чрезвычайной важности.

«Нам ли предстоит собирать следующего симулякра?» – спросил бы Карп, окажись он смелым. Но он был потрясающим трусом, и Макри это было известно. Прямота и честность были давным-давно выхолощены в Карпе – иначе бы он не смог работать в германском деловом сообществе; моральная кастрация была непременным условием принадлежности к классу гехтов, к правящим кругам.

«Я бы мог сказать ему правду, – подумал Макри. – И облегчить его мучения. Но с какой стати?»

Ему не нравился Карп, который создал, а теперь обеспечивал эксплуатацию симулякра, поддерживал его функционирование на требуемом уровне без колебаний или нерешительности. Любая неудача открыла бы эту Geheimnis, то есть тайну, простым людям – бефтам. Обладание одной или большим числом тайн и делало представителей правящей элиты, истеблишмента Соединенных Штатов Европы и Америки, гехаймнистрегерами, то есть обладателями тайны, в отличие от бефельтрегеров – простых исполнителей.

Но для Макри все это было германским мистицизмом, он предпочитал мыслить более простыми и удобными в практической жизни понятиями. «Карп унд Зоннен Верке» была в состоянии создавать симулякров и соорудила Кальбфляйша. Не менее хорошо поработала она и при эксплуатации этого Дер Альте в течение всего срока его правления. Однако следующего Дер Альте ничуть не хуже соорудит другая фирма, а разорвав все экономические связи с Карпом, правительство отберет у этого мощного картеля все привилегии, которыми он сейчас столь широко пользуется... с немалыми убытками для правительства.

Следующей фирмой, которой будет поручено создать для правительства США симулякр, станет небольшая компания, деятельность которой власти смогут контролировать без особых затруднений.

И тут же в уме Макри возникло название: «Фрауэнциммер ассошиэйтес». Совсем крохотная фирма, едва сводящая концы с концами в сфере производства симулякров, используемых при колонизации планет. Он ничего не сказал Карпу, но в самое ближайшее время собирался начать деловые переговоры с Морисом Фрауэнциммером, главою фирмы. Для Фрауэнциммера это станет немалым сюрпризом...

– А что скажет Николь, как думаете? – спросил Карп, задумчиво глядя на Макри.

– Полагаю, она будет довольна, – ответил с улыбкой Макри. – На самом деле ей никогда не нравился старикан Руди.

– А мне казалось, что нравился. – Карп был явно огорчен.

– Первая Леди, – язвительно заметил Макри, – никогда еще не любила ни одного из Дер Альте. И почему, собственно, она должна любить этого? Ведь ей двадцать три года, а Кальбфляйшу, согласно нашим же собственным информационным бюллетеням, – семьдесят восемь.

– Да какое она имеет к нему отношение? – проблеял Карп. – Ровным счетом никакого. Просто время от времени появляется с ним на приемах.

– Я думаю, Николь вообще не переваривает ничего старого, изношенного, бесполезного. – Макри не щадил Антона Карпа; он увидел, как поморщился при его словах этот средних лет бизнесмен. – Старый, изношенный, бесполезный – очень точная характеристика главного изделия вашей фирмы, – добавил он.

– Но ведь в спецификации...

– Вы бы могли сделать симулякра хоть чуть-чуть более... – Макри задумался, подыскивая нужное слово, – обаятельным.

– Довольно! – рявкнул Карп, только сейчас сообразив, что Макри попросту мучает его и лишний раз хочет подчеркнуть, что, сколь бы могущественной ни была фирма «Карп унд Зоннен Верке», все равно она находится на службе у правительства и никоим образом не способна повлиять на его решения и что даже Макри, простой помощник государственного секретаря, может безнаказанно издеваться над ней.

– Получи вы власть в руки еще раз, – нарочито медлительно произнес Макри, – то как бы поменяли дело? Загнали бы к себе на работу узников концентрационных лагерей, как это делал Крупп в двадцатом столетии? Возможно, вы смогли бы получить доступ к аппарату фон Лессингера и воспользоваться им... предоставив узникам концлагерей возможность умереть в качестве ваших рабочих еще быстрее, как они умирали в Белзен-Белзене...

Карп повернулся и пошел прочь. Его просто трясло от злости.

Макри ухмыльнулся и закурил сигару. Американского, а не германско-голландского производства.

Глава четвертая

Джим Планк, главный звукооператор ЭМЭ, с изумлением наблюдал, как Нат Флайджер тащит к вертолету свою «Амpek Ф-а2».

– Ты собираешься записывать его с помощью этого хлама? – простонал Планк. – Боже мой, модель «Ф-а2» считалась устаревшей еще в прошлом году!

– Ну, если ты не способен обращаться с нею... – начал Нат.

– Да способен я, способен! – оборвал его Планк. – Я когда-то пользовался этими червячками. – Он принялся взволнованно жестикулировать. – Просто у меня такое ощущение, что ты в придачу к этой системе используешь еще и древний угольный микрофон.

– Едва ли, – произнес Нат и добродушно похлопал Планка по спине. Он знал оператора уже много лет и привык к нему. – Не беспокойся. Мы прекрасно управимся.

– Послушай, – сказал Планк, озираясь по сторонам, – действительно ли вместе с нами в эту поездку отправляется дочь Лео?

– Да, действительно.

– С этой Молли Дондольдо всегда возникают осложнения... Ты понимаешь, что я имею в виду? Нет, вряд ли. Нат, я не имею ни малейшего представления, в каких ты сейчас отношениях с Молли, но...

– Лучше побеспокойся о том, чтобы качественно записать Ричарда Конгросяна, – отрезал Нат.

– Да, конечно... – Планк пожал плечами. – Это твоя жизнь, твоя работа и твой проект, Нат. Я – что? Всего лишь раб, который делает дело, за которое ему платят. – Он нервно провел слегка трясущейся рукой по своим редющим, с проблесками седины волосам. – Мы можем отправляться?

Молли уже забралась в кабину вертолета и расположилась там, читая книгу и не обращая внимания на мужчин. На ней была цветастая хлопчатобумажная блузка и шорты, и Нат подумал, насколько не подходил этот наряд для залитых дождями лесов, куда они направлялись. Интересно, бывала ли Молли вообще когда-нибудь на севере? Пространства Орегона и Северной Калифорнии практически обезлюдели после катастрофы 1980 года. Они очень пострадали от ракет Красного Китая и, разумеется, от радиоактивных осадков, выпадавших там в течение следующего десятилетия. По сути, радиация в тех местах наблюдалась и по сей день, однако специалисты НАСА утверждали, что теперь фон уже в безопасных пределах.

Пышная тропическая растительность, буйство всевозможных форм, обусловленное радиоактивными осадками... Заросли лесов, которые теперь превратились едва ли не в тропики... И почти никогда не прекращающиеся дожди; частыми и обильными они были до 1990 года, таковыми оставались и теперь.

– Да, мы можем отправляться, – сказал Нат.

– Тогда летим, – отозвался Планк, зажав в зубах незажженную сигару «Альта Камина». – И мы, и твой червяк. Летим записывать величайшего в нынешнем столетии безрукого пианиста. Послушай, Нат, вот что пришло мне в голову... В один прекрасный день Ричард Конгросян попадает в аварию. Он весь в переломах и ушибах. А когда через некоторое время с него снимают бинты и гипс, выясняется, что у него отросли руки! – Планк хихикнул. – И он уже больше не сможет играть.

Молли опустила книгу и холодно спросила:

– Разве мы собрались во время этого перелета развлекаться?

Планк покраснел и склонился над своей аппаратурой, проверяя ее работоспособность.

– Виноват, мисс Дондольдо, – сказал он, но голос его звучал не виновато, а скорее обиженно.

– Вот и поднимайте вертолет в воздух, – заметила Молли и вернулась к своей книге. Нат присмотрелся.

Это была запрещенная книга социолога двадцатого столетия Чарлза Райта Миллза. Молли Дондольдо была не в большей степени гехтом, чем Нат или Джим Планк, однако совершенно спокойно у них на глазах читала книгу, запрещенную для их класса.

«Замечательная женщина, – восхищенно подумал Нат. – Во многих отношениях замечательная».

– Не будь такой строгой, Молли, – улыбнулся он.

– Терпеть не могу остроумия простых бефтов! – заметила Молли, не поднимая глаз.

Двигатель вертолета заработал. Опытный Джим Планк быстро и умело поднял его в воздух. Они миновали прибрежное шоссе и отправились к северу, летя над Имперской Долиной, с ее густо переплетенной сетью каналов, простиравшихся на сколько хватало взгляда.

– Судя по всему, полет будет прекрасным, – сказал Нат. – Я это чувствую.

– Ты бы лучше побрызгал водой своего червяка, – пробурчала Молли. – Или как там его еще называют... Откровенно говоря, я бы предпочла, чтобы меня оставили в покое. Если не возражаешь.

– Что тебе известно о личной трагедии в жизни Конгросяна?

Некоторое время Молли молчала, потом сказала:

– Трагедия вроде бы связана с выпадением радиоактивных осадков в конце девяностых годов. Думаю, речь идет о его сыне. Но никто не знает ничего определенного. Я не располагаю какой-либо закрытой информацией, Нат. Просто ходят слухи, будто сын его – настоящий монстр.

Нат еще раз ощутил тревожный холодок, который он уже испытал при мысли о необходимости посетить дом Конгросяна.

– Пусть это тебя не расстраивает, – сказала Молли. – В конце концов, со времени выпадения осадков отмечено очень много случаев рождения спецалов. Неужели ты их не замечал? Я – так даже очень часто. Хотя, может быть, ты просто предпочитаешь не видеть таких детей. – Она загнула уголок страницы и закрыла книгу. – Это цена, которую мы платим за нашу во всех иных отношениях незапятнанную жизнь... Боже мой, Нат, – вдруг поморщилась она, – неужели ты смог привыкнуть к этой твари в «Ампеке»?.. У меня так мурашки по коже пробегают от всего этого мерцания!.. – Она опять помолчала. И продолжила: – Возможно, уродство ребенка определено факторами, связанными с парапсихическими способностями его отца. Может, сам Конгросян винит в этом себя, а не радиацию. Можно спросить у него, когда доберемся туда.

– Можно спросить у него... – повторил Нат, словно эхо, и ужаснулся от одной мысли об этом.

– Разумеется. А почему бы и нет?

– Дьявольская идея! – сказал Нат.

И, как уже часто у него бывало во взаимоотношениях с Молли, ему опять показалось, что она слишком резка и агрессивна. Этакая омужиченная баба... Имелась в ней какая-то грубость, и это Нату совершенно не нравилось. Молли слишком заносило в интеллектуальность, ей недоставало эмоциональной контактности ее отца.

– Почему ты решила принять участие в этой поездке? – спросил Нат.

Конечно же, не для того, чтобы послушать, как играет Конгросян; это было очевидно. Возможно, причиной был сын пианиста, этот ребенок-спецал, – Молли всегда влекло к чему-то необычному. Нат же испытывал к подобным вещам отвращение. Впрочем, внешне он ничем этого не показал. Ему даже удалось улыбнуться ей.

– Я просто обожаю Конгросяна, – спокойно сказала Молли. – Для меня будет особым удовольствием повстречаться с ним лично и послушать его игру.

– Но ведь я сам слышал, как ты говорила, что психокинетические версии Брамса и Шумана сейчас расходятся плохо.

– Неужели ты не способен отделить личную жизнь от дел фирмы? Мне очень по вкусу стиль Конгросяна, но это вовсе не означает, что его будут бойко раскупать. Видишь ли, Нат, в последние годы у нас очень хорошо расходятся жанры народной музыки. Я бы даже осмелилась сказать, что такие исполнители, как Конгросян, сколь бы популярными они ни были в Белом доме, стали анахронизмами, и мы должны быть очень бдительными, чтобы нас из-за них не постиг экономический крах. – Она слегка улыбнулась, лениво ожидая, какой будет его реакция. – Я открою тебе еще одну причину, по которой мне захотелось лететь. Мы с тобой сможем провести очень много времени вместе, мучая друг друга. Только ты и я, в течение всей поездки... Мы можем остановиться в мотеле в Дженнере. Тебе это не приходило в голову?

Нат шумно вздохнул.

И лицо Молли просто расплылось в улыбке. Ему показалось, будто она потешается над ним. Впрочем, Молли могла заставить его сделать все, что только ей пожелається. Они оба знали это, и она получала от этого знания настоящее удовольствие.

– Ты хочешь на мне жениться? – спросила Молли, переходя на доверительный тон. – Благородны ли твои побуждения в старомодном смысле, характерном для двадцатого столетия?

– А твои?

Молли пожала плечами:

– Может быть, мне нравятся монстры. Ведь мне нравишься ты, Нат, и твой звукозаписывающий червь, которого ты лелеешь и балуешь, будто это жена или любимое домашнее животное.

– Я бы точно так же относился и к тебе, – сказал Нат.

Тут он почувствовал, что за ними наблюдает Джим Планк, и принялся изучать проносящуюся внизу местность.

Их с Молли разговор явно смутил Джима. Планк был инженером – простым бефтом, как выразилась Молли, – но человеком очень неплохим, и при нем не стоило вести подобные разговоры.

«И при мне – тоже, – подумал Нат. – Единственный из нас, кто наслаждается такими разговорами, – это Молли. Но в ней нет никакого притворства».

Автобан, с его централизованно управляемыми автомобилями и другими транспортными средствами, которые едва различимыми ручьями вливались в широкий основной поток, утомил Чика Страйкрока. Находясь в кабине своего персонального автомобиля, он чувствовал себя участником некоего ритуала черной магии, словно он, как и все остальные жители пригородной зоны, доверили свои жизни силе, о которой лучше и не рассуждать. Фактически же это был простой гомеостатический радар, который корректировал положение его машины, соотнося с положением других транспортных средств и придорожных ограждений, но Чик этому не удивлялся. Он сидел в машине и читал утренний выпуск «Нью-Йорк таймс». Внимание его было полностью отдано газете, и, вместо того чтобы разглядывать проносящиеся мимо пейзажи, он размышлял над статьей, речь в которой шла о дальнейшей судьбе открытия на Ганимеде одноклеточных окаменелостей.

«Древняя цивилизация, – думал Чик. – Следующий, более глубокий слой вот-вот будет раскопан автоматическими экскаваторами, действующими в безвоздушной среде с малой силой тяжести, характерной для спутников планет-гигантов... Мы как рудокопы-хищники на богатой жиле. В следующем слое могут обнаружиться комиксы, противозачаточные средства и пустые бутылки из-под кока-колы. Но власти не станут сообщать нам об этом. Кому

захочется выяснить, что Солнечная система была освоена производителями кока-колы еще два миллиона лет назад? Невозможно даже вообразить себе цивилизацию, построенную формой жизни, которая не придумала кока-колу. Можно ли в таком случае называть ее цивилизацией?»

Однако тут он понял, что позволил горечи одержать над собой победу.

«Такое Мори не понравится, – решил он. – Надо взять себя в руки прежде, чем я доберусь до конторы. Плохое настроение пагубно для бизнеса. Ведь бизнес должен продолжаться. Таков лозунг дня, если не всего столетия... Вот чем я отличаюсь от младшего брата – умением столкнуться с основными принципами и не потеряться в лабиринте внешних ритуалов. Если бы Винс мог делать это, он был бы мной. И тогда бы жена не ушла от него. А самого Винса привлекли бы к участию в программе, придуманной Мори Фрауэнциммером и изложенной им самому Зеппу фон Лессингеру на конференции специалистов по изготовлению эрзац-продукции в Нью-Йорке в 2023 году. Программой предполагалось, воспользовавшись результатами экспериментов фон Лессингера по перемещениям во времени, послать психиатра в 1925 год с целью вылечить Гитлера от паранойи. Судя по всему, фон Лессингер предпринял попытку действовать в этом направлении, но гехты засекретили ее. В интересах защиты своего привилегированного статуса, разумеется. А сам фон Лессингер теперь уже умер...»

Что-то зашипело справа от него. Рекламыш, порождение фирмы Теодора Нитца, плотно прилип к боковому стеклу машины.

– Убирайся! – рявкнул Чик.

Однако рекламыш, преодолевая упругий поток встречного воздуха, пополз к щели между дверцей и кузовом. Еще немного – и он протиснется внутрь кабины и вывалит на Чика свою информацию в самой наглой манере, характерной для всей продукции Нитца.

Правда, рекламыш, если он протиснется через щель, можно убить. Он был существом смертным и величиной не больше мухи. Поэтому рекламные агентства, подобно самой природе, насылали на потенциальных клиентов целые орды таких созданий.

Наконец рекламышу удалось проникнуть в кабину, и он тут же загундосил:

– Послушайте! Держу пари, что порой, сидя в ресторане, вы говорили себе, что другие посетители только на вас и смотрят. И вы давно озадачены этой проблемой, которая стала очень серьезной и заметной другим, особенно...

Чик раздавил рекламышу каблук.

Визитка подсказала Николь Тибодо, что премьер-министр Израиля прибыл в Белый дом и теперь дожидается ее в Гостиной с камелиями. Эмиль Старк был стройным и высоким и всегда имел в запасе еврейский анекдот («Однажды Бог встретил Иисуса, одетого в...» – дальше она вспомнить не могла, поскольку толком еще не проснулась). Во всяком случае, сегодня у Николь есть анекдот для него, позаимствованный из доклада комиссии Вольфа.

Позже, уже в халате и шлепанцах, она выпила кофе и просмотрела утренний выпуск «Таймс», затем отшвырнула газету и взялась за документ, представленный комиссией Вольфа. Кого они выбрали? Германа Геринга. Николь пролистала доклад и очень пожалела, что не уволила генерала Вольфа. Армейское руководство выбрало в эре Варварства совсем не того человека, с которым можно иметь дело. Она понимала это, а вот власти в Вашингтоне согласились следовать рекомендациям Вольфа, до них еще не дошло, насколько типичным солдафоном тот был. С другой стороны, это показывало силу армейского генштаба даже в чисто политических сферах.

Она вызвала Леонору, своего секретаря.

– Скажи Эмилю Старку, чтобы вошел.

Откладывать встречу дальше было бессмысленно. В любом случае Старк, скорее всего, будет доволен. Подобно многим другим, премьер-министр Израиля, несомненно, воображал, что Геринг был простым клоуном. Николь рассмеялась. Они так и не переварили материалы Нюрнбергского процесса, прошедшего после Второй мировой войны, если верить в это.

– Здравствуйте, миссис Тибодо! – улыбнулся появившийся на пороге Старк.

– Это Геринг, – сказала Николь.

– Конечно! – Старк продолжал улыбаться.

– Вы просто глупец... Он слишком ловок – для любого из нас, понимаете? Если мы попробуем привлечь его к делу...

– Но к концу войны Геринг перестал быть фаворитом, – вежливо заметил Старк, усаживаясь за столик напротив Николь. – Он был частью проигрываемой военной кампании, в то время как гестапо и ближайшее окружение Гитлера только упрочили свою власть. Борман, Гиммлер, Эйхман, чернорубашечники... Геринг понял бы... вернее, понимал, что означает для военных поражение в войне.

Николь промолчала. В ней нарастало раздражение.

– Вас это беспокоит? – продолжал Старк. – Я тоже вижу тут трудности. Но ведь предложение, которое мы хотим сделать рейхсмаршалу, достаточно простое, верно? Его можно выразить одной незамысловатой фразой, и он поймет.

– О да, – согласилась Николь. – Геринг поймет. А еще он поймет, что, если отвергнуть наше предложение, мы согласимся на меньшее, затем удовлетворимся еще меньшим, и в конце концов... – Она помолчала. – Да, это меня беспокоит. Я думаю, фон Лессингер был прав – надо держаться подальше от Третьего рейха. Когда имеешь дело с психами, трудно не заразиться от них. Пообщавшись с ними, и сам станешь душевнобольным.

– Есть шесть миллионов евреев, чьи жизни нужно спасти, миссис Тибодо, – тихо сказал Старк.

Николь тяжело вздохнула:

– Хорошо!

Глаза ее полыхнули гневом, но израильский премьер спокойно выдержал взгляд: он не боялся ее. Не в его привычках было отступать перед кем бы то ни было – он прошел долгим путем к своей должности и, кабы вел себя иначе, не добрался бы до премьер-министра. Трусу не выжить в его положении. Израиль всегда был – и остается – небольшой страной, существовавшей между могущественными блоками, которые способны в любой момент, когда им заблагорассудится, стереть ее в порошок. Старк даже чуть улыбнулся в ответ на гнев Николь... Или ей это показалось? Тем не менее ее охватила еще большая ярость – от ощущения собственного бессилия.

– Мы вовсе не обязаны улаживать это дело прямо сейчас, – сказал Старк. – Я уверен, миссис Тибодо, что вы заняты сейчас и другими, не менее важными проблемами. К примеру, программой вечернего концерта в Белом доме. Я получил приглашение, – он похлопал по карману пиджака, – о чем, я уверен, вас поставили в известность. Нас ждет прекрасный парад талантов, верно? Ведь концерты в Белом доме всегда бывают такими. – Голос Старка стал мягким и успокаивающим. – Не возражаете, если я закурю? – Премьер-министр достал из кармана небольшую плоскую золотую коробку, извлек из нее сигару. – Эти я пробую впервые. Филиппинские сигары из листьев табака сорта «Изабелла». Кстати сказать, ручной работы.

– Валяйте, – раздраженно бросила Николь.

– Разве герр Кальбфляйш не курит? – удивился Старк.

– Нет, – ответила Николь.

– А еще он не обращает внимания на ваши музыкальные вечера, верно? Это недобрый знак. Помните Шекспира, «Юлия Цезаря»?.. По-моему, так: «Насквозь он видит дела людские; он не любит игр и музыки»⁶. Помните? «Он не любит игр и музыки»... Разве это не точная характеристика нынешнего Дер Альте? Я, к сожалению, никогда с ним не встречался. Зато нет большего удовольствия, чем иметь дело с вами, миссис Тибодо! Уж поверьте...

У Эмиля Старка были серые и чрезвычайно умные глаза.

– Благодарю вас! – простонала Николь, отчаянно желая, чтобы он поскорее убрался. Она чувствовала, что он завладел всеми нитями разговора, и это делало ее усталой и беспокойной.

– Видите ли, миссис Тибодо, – продолжал он, – для нас, израильтян, очень затруднительно вести какие-либо дела с немцами, поэтому я не сомневаюсь в том, что испытывал бы определенную неловкость и во взаимоотношениях с герром Кальбфляйшем.

Старк выдохнул густое облако сигарного дыма, и запах его был настолько отвратителен, что Николь сморщила нос.

– Он напоминает самого первого Дер Альте, герра Аденауэра... Кажется, так его звали... Я еще мальчишкой посмотрелся учебных исторических фильмов. Интересно, что он правил куда дольше, чем продолжался период существования Третьего рейха... А Третий рейх должен был просуществовать тысячу лет.

– Да, – тупо сказала Николь.

– И если мы поможем ему, прибегнув к использованию аппарата фон Лессингера, то так оно и будет. – Глаза Старка смотрели куда-то мимо нее.

– Вы так думаете? Вы считаете...

– Я считаю, – сказал Эмиль Старк, – что, получи Третий рейх те виды оружия, которых ему недоставало, он бы протянул еще лет пять, хотя и это представляется маловероятным. Он был обречен по собственной внутренней природе: в нацистской партии отсутствовал механизм, способный воспроизвести преемника фюрера. Поэтому Германия распадется на части, превратится в скопище крохотных, враждующих друг с другом государств, как это было до Бисмарка. Мое правительство убеждено в этом, миссис Тибодо. Помните, как Гесс представил Гитлера на одном из грандиозных партийных собраний? «Hitler ist Deutschland»... «Гитлер – это Германия». Он был совершенно прав. Отсюда вытекал вопрос: что будет после Гитлера? Потоп. И Гитлер прекрасно понимал это. Вообще говоря, не исключена даже возможность того, что Гитлер намеренно вел свою страну к поражению. Хотя это весьма хитроумная психоаналитическая гипотеза. Лично я нахожу ее слишком уж причудливой, чтобы поверить.

– Если вытащить Германа Геринга из его эпохи, – задумчиво сказала Николь, – сюда, к нам, вы захотите принять участие в переговорах?

– Да, – ответил Старк. – Я даже настаиваю на этом.

– Вы?... – Она уставилась на него. – Настаиваете?

Старк кивнул.

– Полагаю, – сказала Николь, – все дело в том, что вы считаете себя духовным воплощением всемирного еврейства или подобной мистической организации.

– Я считаю себя представителем государства Израиль, – тихо сказал Старк. – Фактически его наивысшим должностным лицом.

– Это правда, что ваша страна намерена запустить к Марсу исследовательский аппарат?

– Аппарат вовсе не исследовательский, – возразил Старк. – Транспортный. Мы собираемся основать там первый наш кибуц, очень скоро. Марс, если можно так выразиться, одна сплошная пустыня Негев. Когда-нибудь мы будем там выращивать апельсины.

⁶ Перевод с английского М. А. Зенкевича. (Прим. перев.)

– Удачливый народишко, – пробормотала сквозь зубы Николь.

– Прошу прощения... – Старк приложил ладонь к уху – он не расслышал ее слов.

– Вы удачливы. У вас есть устремления. А у нас в США... – она задумалась, – нормы. Стандарты. Это очень земное, и тут вовсе не игра слов по отношению к цели вашего космического путешествия... Черт бы вас побрал, Старк! Вы меня расстроили, даже не знаю почему.

– Вам надо посетить Израиль, – сказал Старк. – Вам бы там стало очень интересно. Например...

– Например, я могла бы там обратиться в другую веру, – усмехнулась Николь. – И сменить имя, став Ребеккой... Слушайте, Старк, что-то я заболталась с вами. Мне очень не нравится вся эта затея, изложенная в докладе Вольфа. Я думаю, подобное широкомасштабное вмешательство в прошлое слишком рискованно, даже если это и приведет к спасению шести, восьми или даже десяти миллионов жизней ни в чем не повинных людей. Вспомните, что случилось, когда мы пытались послать в прошлое ассасинов, чтобы убить Адольфа Гитлера в самом начале его карьеры... Кто-то или что-то мешало нам всякий раз, а ведь таких попыток мы предприняли целых семь! Я думаю... Более того, я даже убеждена, что нам мешали агенты из будущего, из нашего времени или из той эпохи, что последует за нашей. Если с аппаратами фон Лессингера играет один, то почему не может быть и второго? Бомба в пивном баре, бомба в агитсамолете...

– Но ведь эта попытка, – сказал Старк, – будет с восторгом встречена неонацистскими элементами. Они начнут сотрудничать с вами.

– И этим вы хотите ослабить мою тревогу? – горько сказала Николь. – Вы лучше других должны знать, что такое дурной предвестник.

Некоторое время Старк молчал. Лишь курил свою филиппинскую сигару ручной работы да мрачно глядел на собеседницу. Потом он пожал плечами:

– Пожалуй, мне самое время откланяться, миссис Тибодо. Возможно, вы и правы. Мне бы хотелось поразмыслить над этим, а также посоветоваться с другими членами моего кабинета. Мы увидимся с вами сегодня вечером на концерте в Белом доме. Будут ли исполнять Баха или Генделя? Я очень люблю обоих этих композиторов.

– Сегодня у нас всеизраильский вечер, специально для вас, – сообщила Николь. – Мендельсон, Малер, Блох, Копленд. Годится?

Она улыбнулась, и Эмиль Старк улыбнулся ей в ответ:

– Нет ли у вас лишнего экземпляра доклада Вольфа, который бы я мог взять с собой?

– Нет. – Она помотала головой. – Это – Geheimnis. Совершенно секретно.

Старк поднял бровь. И перестал улыбаться.

– Его даже Кальбфляйш не увидит, – сказала Николь.

Она не собиралась менять свои позиции, и Эмиль Старк, без сомнения, почувствовал это. В конце концов, проницательность была одним из его профессиональных качеств.

Николь перебралась к своему письменному столу. Ожидая, пока Старк удалится, принялась просматривать папку с резюме, которые подготовила для нее секретарь Леонора. Резюме были – сплошная скука, внимание Николь привлекла только одна информация.

В ней говорилось, что искателю талантов Джанет Раймер так и не удалось ангажировать великого болезненно-невротического пианиста Ричарда Конгросьяна на сегодняшний вечер, поскольку Конгросьян внезапно покинул свой летний дом в Дженнере и добровольно отправился в клинику для прохождения курса электрошоковой терапии. И об этом никто не должен был знать.

«Проклятье! – с горечью подумала Николь. – Все планы на вечер летят к черту, и я вполне могу отправиться в кровать сразу после обеда. А жаль – ведь Конгросьян известен не

только как мастер-интерпретатор Брамса и Шумана, но и как эксцентричный и блестящий остроумец».

Эмиль Старк продолжал попыхивать сигарой, с любопытством взирая на Николь.

– Имя Ричард Конгросян вам что-нибудь говорит? – требовательно спросила она, глянув на него в упор.

– Разумеется. Композиторы-романтики...

– Он опять болен. Душевно. Уже, наверное, в сотый раз. Или вам ничего об этом не известно? Разве до ваших ушей не доходили слухи? – Она в ярости швырнула на пол папку с резюме. – Порой мне очень хочется, чтобы он в конце концов покончил жизнь самоубийством или умер от прободения толстой кишки или еще от какой-нибудь реальной болезни, вот прямо на этой неделе.

– Конгросян – великий артист, – кивнул Старк. – Я понимаю ваше беспокойство. Да еще в смутное время, когда по улицам шествуют такие элементы, как «Сыновья Иова», и, похоже, готова воспрянуть и самоутвердиться вся вульгарность и бездарность.

– Этим тварям недолго осталось шествовать, – спокойно сказала Николь. – Поэтому беспокоиться надо о другом.

– Вы уверены в том, что владеете ситуацией? Что держите ее под своим контролем? – Старк позволил себе изобразить на физиономии легкую холодную гримасу.

– Бертольд Гольц – не более чем бефт. Ходячий анекдот. Клоун.

– Как, возможно, и Геринг?

Николь ничего не ответила. Но глаза ее вспыхнули. Старк успел заметить эту неожиданную и кратковременную искру сомнения. Он снова скорчил гримасу, на этот раз совершенно неконтролируемую, отразившую все охватившее его беспокойство. И Николь от этой гримасы вздрогнула.

Глава пятая

В небольшом домике, расположенном позади «Пристанища драндулетов номер три», сидел, закинув ноги на стол, Эл Миллер и, не выпуская из зубов сигары «Уппманн», наблюдал за прохожими на тротуаре, расположенном в центральной части городка Рино, штат Невада. Вокруг блестели драндулеты с развевающимися вымпелами, но Элу была видна словно бы чего-то ожидающая фигура, притаившаяся под огромной вывеской с надписью «Чокнутый Лука». Но не только он мог видеть эту фигуру. По тротуару шли мужчина и женщина, перед ними бежал мальчишка. Вдруг он громко вскрикнул, высоко подпрыгнул и возбужденно замахал руками:

– Эй, глядите! Знаете, что это такое? Глядите, это папула.

– Ей-богу! – улыбнувшись, произнес мужчина. – И вправду она! Смотри, Марион, там одно из марсианских существ, вон, прячется под вывеской. Что, если мы подойдем к нему поближе и поболтаем?

Он двинулся в направлении вывески, мальчик бежал рядом. Женщина, однако, продолжала идти по тротуару.

– Пойдем с нами, мам! – позвал мальчик.

Эл Миллер слегка коснулся пульта управления, спрятанного под рубашкой. Папула на шести коротеньких ножках выползла из-под вывески «Чокнутый Лука», и Эл заставил ее ковылять в сторону тротуара. Несуразная круглая шляпа соскользнула набекрень, накрыв одну из антенн, глаза папулы двигались из стороны в сторону, пока в них не попало изображение женщины. Обнаружив добычу, папула потащилась за нею, к восторгу мальчика и мужчины.

– Смотри, пап, она идет за мамой! Эй, мам, обернись и посмотри!

Женщина бросила взгляд назад, увидела большое оранжевое, похожее на божью коровку существо и рассмеялась.

«Все любят папулу, – подумал Эл. – Ну погляди же на смешную марсианскую тварь... Поговори с ней, папула, поприветствуй симпатичную леди, которая смеется над тобой».

Мысли папулы, направленные в адрес женщины, достигли и Эла. Марсианское существо здоровалось с леди, заверяло, что ему приятно с нею встретиться, успокаивало до тех пор, пока женщина не повернулась и не присоединилась к сыну и мужу, так что теперь все трое стояли вместе, воспринимая мысленные импульсы, исходившие от папулы, которая прибыла сюда, на Землю, не имея враждебных намерений, и которая даже неспособна причинять неприятности людям. Папула любила эту дружную семью, любила так же, как они любили ее; именно об этом она сейчас им и говорила. И несла им нежность, тепло дружеского любия, к которым она была столь привычна на своей родной планете...

Каким все-таки замечательным местом должен быть Марс!..

Именно так думали мужчина и женщина, убеждаясь в этом все сильнее, по мере того как папула заливала им мозги своим дружеским отношением, своими воспоминаниями о родной планете.

– Черт возьми, да ведь общество на Марсе совсем не такое холодное, не такое шизоидное, как земное, – никто там ни за кем не шпионит, не надо проходить бесконечные рел-пол-тесты, не надо сообщать еженедельно об их результатах домовым комитетам безопасности... Подумайте об этом, – говорила им папула, пока они стояли как пригвожденные к тротуару, неспособные сдвинуться с места. – Вы сами себе хозяева, там, на Марсе, вы свободно обрабатываете землю на своей ферме, вы исповедуете свою собственную веру, вы просто становитесь самими собою! Взгляните на себя: вы боитесь даже просто постоять здесь и послушать. Боитесь...

Явно занервничавший мужчина повернулся к жене:

– Не лучше ли нам... уйти?

– О нет! – взмолился мальчишка. – Это же здорово! Разве часто нам удается поговорить с папулой? Она, наверное, здесь и живет.

Мальчик кивнул в сторону «Пристанища», и Эл кожей почувствовал острый взгляд мужчины.

– Разумеется, – сказал тот. – Ее привезли сюда, чтобы было проще продать этот хлам. Вот она и пудрит нам мозги, завлекая на Марс. – Зачарованность исчезла с его лица. – Где-то сидит, спрятавшись в укромном месте, человек и управляет этой тварью, – пояснил он сыну.

– Однако, – источала свои мысли папула, – сказанное мной – истинная правда. Даже если это кажется всего лишь рекламой. Вы можете отправиться туда, на Марс, и самолично убедиться в этом. Ваша семья сможет увидеть все это собственными глазами – если вы достаточно смелы, чтобы вырваться на свободу. Вы в состоянии сделать это? Разве вы не настоящий мужчина? Купите драндулет у Чокнутого Луки, купите, пока у вас еще есть такая возможность, ведь вы же понимаете, что в один прекрасный день, и, может быть, не столь уж отдаленный, энпэшники лишат вас этой возможности. И не станет «Пристанищ драндулетов». И исчезнет последняя трещина в стене авторитарного общества, через которую немногие счастливицы еще в состоянии убежать...

Вновь взявшись за пульт управления, Эл добавил усиление. Воздействие мыслей папулы увеличилось, все больше овладевая волей мужчины.

– Вы должны купить драндулет. Уплата в рассрочку, гарантийное обслуживание, широкий выбор моделей... Самое время заключить сделку, чего ждать?..

Мужчина сделал шаг в сторону домика, в котором находился Эл. А папула продолжала внушать:

– Поспешите. В любую секунду власти могут прикрыть распродажу, и больше такая возможность вам уже никогда не представится...

– Это... Вот как они работают, – с трудом проговорил мужчина. – Животные заманивают людей. Гипноз. Нам нужно уйти отсюда.

Однако он так и не ушел – было уже слишком поздно. Он собрался купить драндулет, и Эл, продолжая оставаться в конторе, подтягивал клонувшую добычу. Затем он лениво поднялся. Пора выходить наружу и заканчивать сделку. Отключив связь с папулой, он открыл дверь конторы и вышел наружу.

И тут же увидел хорошо знакомую фигуру, пробиравшуюся к нему между драндулетами. Это был его давний приятель Иан Дункан, с которым Эл не встречался уже много лет.

«Черт бы тебя побрал! – подумал Эл. – Что тебе здесь надо? В такое время!»

– Привет! – сказал Иан Дункан, как будто они только вчера расстались. – Мне надо поговорить с тобой. Ты ведь сейчас не очень занят, верно?

Потный и бледный, он подошел ближе, испуганно озираясь. Он выглядел гораздо хуже, чем при последней их встрече.

– Слушаю, – сердито произнес Эл.

И понял, что все сорвалось: мальчишка и его родители уже быстро топали по тротуару, уходя все дальше и дальше.

– Я не... э-э... совсем не хотел тебя беспокоить, – промямлил Иан.

– Ты меня не побеспокоил, – вздохнул Эл, уныло глядя, как срываются с крючка три перспективных клиента. – Ну, что у тебя там за неприятности, Иан? Выглядишь ты хреново. Заболел, что ли? Заходи в контору. – Он провел гостя внутрь и прикрыл за собой дверь.

– Я случайно наткнулся на свой кувшин, – сказал Иан. – Помнишь, как мы пытались выступить в Белом доме? Эл, мы должны попробовать еще раз. Ей-богу, я больше не могу

так жить. Я не могу смириться с той неудачей. Ведь мы оба считали, что это самое важное в нашей жизни. – Он задыхался и то и дело вытирал носовым платком пот со лба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.